

ISSN 0202-151X

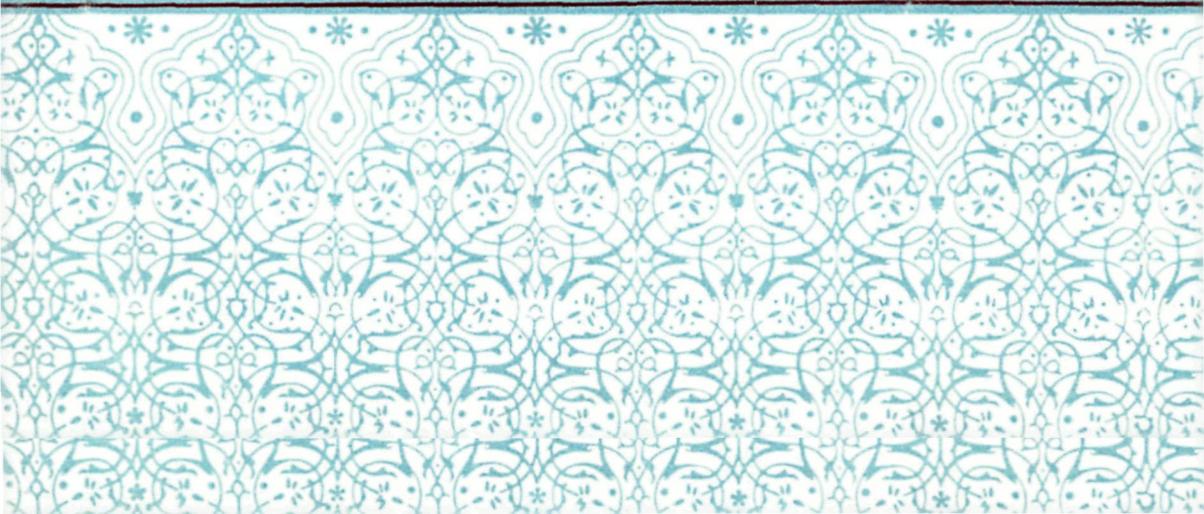
ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1986

1

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1986

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР А. А. АСКАРОВ, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР В. В. КИМ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

**Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.**

ЖУРНАЛУ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ» — 25 ЛЕТ

В январе 1986 г. исполнилось 25 лет со времени выхода в свет первого номера республиканского академического журнала «Общественные науки в Узбекистане». Это ежемесячное издание было создано на базе «Известий Академии наук УзССР. Серия общественных наук», выходявших с 1957 г. раз в два месяца (в целом за 1957—1960 гг. вышло в свет 22 номера, содержащих до 250 статей и иных материалов).

Необходимость издания ежемесячного журнала по общественным наукам была обусловлена задачами, выдвинутыми партией в начале 60-х годов в целях качественного повышения уровня научно-исследовательской работы ученых-обществоведов, концентрации их усилий на решении наиболее актуальных проблем развития социалистического общества в нашей стране, коммунистического воспитания советских людей, усиления отпора буржуазным фальсификаторам. Новый академический журнал должен был также обеспечить расширение авторского актива, широко освещать научно-исследовательскую работу не только в Академии наук УзССР, но и во внеакадемических научно-исследовательских учреждениях и вузах, ее важнейшие итоги, содействовать координации научных исследований в республике, обмену опытом работы ученых, подготовке молодых научных кадров, оперативной информации о проводимых в АН УзССР и вне ее важнейших организационно-научных мероприятиях, о новых находках ценных исторических источников, открытиях археологов и др.

В состав редколлегии журнала вошел ряд видных ученых-обществоведов республики; в дальнейшем она неоднократно пополнялась новыми членами.

С тех пор вышло в свет 300 номеров журнала, содержащих свыше 5000 статей, научных сообщений, рецензий, хроникальных и других материалов по различным проблемам философии, политэкономии, отраслевой экономики, права, истории, археологии, этнографии, востоковедения, искусствоведения, литературоведения и др.

Первоочередной задачей журнала было и остается отражение важнейших результатов научно-исследовательской работы в сфере общественных наук в республике. Главное внимание уделяется различным аспектам теории и практики социалистического строительства в Узбекистане, пропаганде идей марксизма-ленинизма, показу возрастания руководящей роли КПСС в советском обществе, раскрытию сущности социалистического образа жизни.

Из года в год расширяется тематика публикуемых материалов, все полнее отражаются достижения ученых-обществоведов Узбекистана, научно-исследовательская, учебно-воспитательная и методическая работа вузовских кафедр общественных наук.

В опубликованных статьях и иных материалах высказано немало интересных, обоснованных предложений ученых, направленных на дальнейший подъем различных отраслей экономики и культуры республики, активизацию творческой инициативы масс, совершенствование действующего законодательства и практики его применения, улуч-

шение организации, координации научных исследований, повышение их эффективности, практической отдачи.

Журнал систематически информирует читателей о новых открытиях и находках археологов, источниковедов, востоковедов и др. Оперативно освещаются итоги работы различных научных форумов и другие организационно-научные мероприятия, проводимые в Академии наук УзССР или при ее активном участии.

В последние годы с учетом критических замечаний и пожеланий научной общественности в журнале наряду с традиционными разделами (передовые статьи, научные сообщения, критико-библиографические материалы, хроника научной жизни и др.) открыты новые рубрики — «В помощь преподавателям высшей школы», «Научная жизнь вузов», «Научно-методическая работа в вузах», «Новое в науке: поиски, находки, открытия» и т. д. Стали публиковаться также перечни утвержденных и рекомендуемых тем докторских и кандидатских диссертаций, исследований по актуальным проблемам общественных наук, что способствует координации научных исследований, ликвидации дублирования, параллелизма и мелкотемья.

Непрерывно расширяется авторский актив. Если в прошлом это были в основном научные работники АН УзССР, то теперь больше половины авторов ежегодно составляют сотрудники внеакадемических научно-исследовательских учреждений, вузов Ташкента, Самарканда и других городов Узбекистана, а также Москвы, Ленинграда, братских союзных республик. На страницах журнала опубликован и ряд статей иностранных ученых — из ГДР, Вьетнама, США, Бангладеш и др.

Все больше места в журнале отводится работам ведущих ученых-обществоведов республики. Вместе с тем журнал широко публикует статьи и сообщения молодых ученых, содействуя тем самым подготовке кадров обществоведов Узбекистана.

Положительную оценку научной общественности получили специальные номера журнала, посвященные 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина (1980, № 4), 1000-летию юбилею Абу Али ибн Сины (1980, № 8—9), XXVI съезду КПСС (1981, № 1, 2), 60-летию СССР (1982, № 11, 12), 1200-летию Хорезми (1983, № 7), 2000-летию Ташкента (1983, № 8, 9), 60-летию УзССР и Компартии Узбекистана (1984, № 10, 11), 40-летию Великой Победы (1985, № 5) и др.

В настоящее время на страницах журнала продолжается публикация статей, посвященных претворению в жизнь решений мартовского и апрельского (1985 г.) Пленумов ЦК КПСС, июньского (1985 г.) совещания в ЦК КПСС по проблемам научно-технического прогресса, интенсификации народного хозяйства УзССР, повышения его эффективности. Опубликован ряд статей навстречу XXVII съезду КПСС и XXI съезду Компартии Узбекистана.

В № 11 и 12 журнала за 1985 г. помещены отклики ряда ведущих ученых, а также министров Узбекистана на проекты программных документов ЦК КПСС к XXVII съезду партии. В этих выступлениях высказано немало предложений по дополнению и изменению отдельных положений проектов новой редакции Программы, Устава КПСС (с предлагаемыми изменениями), а также Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

За последнее время заметно увеличилась публикация статей, разоблачающих лживые, антинаучные домыслы буржуазных фальсификаторов прошлого и настоящего народов Узбекистана и Советского Востока в целом.

Журнал имеет подписчиков во всех союзных республиках и университетских городах СССР, а также более чем в 30 зарубежных странах — не только в социалистических (ГДР, ПНР, ВНР, ЧССР, НРБ, МНР и др.), но и в Англии, Франции, ФРГ, Швеции, США, Канаде, Индии, Турции, Японии, Австралии и т. д. Ссылки на материалы, опубли-

ликованные в журнале, все чаще встречаются в работах как советских, так и зарубежных авторов.

Журнал не раз был объектом обзоров и рецензий в местной и центральной периодической печати, в которых давалась в основном положительная оценка работы журнала и вместе с тем высказывались существенные критические замечания. Редколлегия стремилась делать из них соответствующие выводы, повышая требовательность к качеству поступающих материалов, их идейному, научно-теоретическому уровню, содержательности, совершенствуя практику рецензирования статей и т. д.

Следует признать, однако, что порой в журнале публикуются статьи на малоактуальные темы, страдающие фактографией, обилием общеизвестных положений. Имеет место и некоторое дублирование тематики. Не все публикации отличаются глубоким анализом фактов, наличием должных выводов и обобщений. Все еще мало публикуется развернутых, глубоких рецензий на новые научные труды и обзоров степени разработанности актуальных аспектов общественных наук с выявлением имеющихся достижений, пробелов, недостатков и определением очередных задач историографии данной проблемы. На это справедливо указывалось с трибуны XXI съезда КПУз. На страницах журнала редко поднимаются дискуссионные вопросы. Публикуемый материал пока не охватывает весь спектр важнейших проблем, разрабатываемых учеными-обществоведами Узбекистана.

В свете положений программных документов партии о задачах дальнейшего развития общественных наук, повышении эффективности научных исследований и укреплении связи науки с практикой, а также пожеланий научной общественности редколлегия предстоит еще большая работа по дальнейшему повышению научно-теоретического уровня журнала, укреплению связей с широкой научной общественностью, оперативному освещению актуальных проблем современности, усилению координации научных исследований, активной пропаганде достижений экономики и культуры, успехов развития общественных наук в Узбекистане. Важнейшей задачей журнала станет пропаганда решений и документов XXVII съезда КПСС и XXI съезда КП Узбекистана. Как руководство к действию воспринимаем мы указание о том, что «обществоведы республики должны глубже анализировать социально-экономические процессы и явления, быть ближе к жизни, вырабатывать конкретные практические рекомендации по решению масштабных задач нашего развития»¹.

25 лет — срок сравнительно немалый. За это время журнал проделал значительный путь в своем развитии и прочно вошел в жизнь обществоведов республики, а также всего Советского Востока.

Редколлегия надеется, что при деятельной поддержке научной общественности, всей читательской аудитории журнал сумеет подняться на еще более высокий уровень, отвечающий возросшим требованиям партии к общественным наукам и их роли в ускорении социально-экономического развития страны.

¹ Правда Востока, 1986, 31 янв.

О. А. ТАШПУЛАТОВ

БОРЬБА ЗА МИР — ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ
РАБОЧЕГО КЛАССА УЗБЕКИСТАНА

Как известно, Организация Объединенных Наций провозгласила 1986 год Годом мира. Это решение с особым удовлетворением воспринято в нашей стране, неизменно идущей в авангарде борьбы за мир во всем мире. Знаменательно, что в первые же дни нового года КПСС и Советское правительство выступили с рядом крупнейших внешнеполитических акций, нацеленных на коренное улучшение международной обстановки. Намеченная в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева четкая, конкретная программа полной ликвидации ядерного оружия до конца XX в. получила широчайший отклик и горячую поддержку миллионов масс во всем мире, и прежде всего международного рабочего класса — ведущей силы современной эпохи.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали огромную роль рабочего класса в борьбе за мир между народами, против захватнических войн. Маркс писал, что объединение рабочего класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными¹. Он предвидел, что когда рабочий класс создаст новое, социалистическое общество, его «международным принципом... будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд!»².

Ф. Энгельс говорил, что рабочий класс должен хорошо разбираться в мировой политике. Он указывал на необходимость и возможность для рабочего класса разработки и проведения четко выраженной классовой политики на международной арене, политики мира между народами.

Исключительное значение придавал борьбе рабочего класса за мир В. И. Ленин. Так, еще в 1908 г. он писал, что «в руках рабочего класса лежит решение вопроса о войне и мире»³. В. И. Ленин подчеркивал верность того вывода, который сделал международный социалистический конгресс в Штутгарте (1907 г.): «Рабочий класс, который главным образом поставляет солдат и на который главным образом падают материальные жертвы, в особенности является естественным врагом войн, так как войны противоречат цели, преследуемой им: созданию основанного на социалистическом принципе экономического строя, который на деле осуществит солидарность народов»⁴.

После победы Октября народные массы нашей страны, прежде всего рабочий класс, взяли в свои руки дело мира и солидарности с освободительной борьбой других народов, сами стали определять внешнюю политику страны. В. И. Ленин подчеркивал в этой связи: «Это не политика большевиков, вообще не политика «партийная», а политика рабочих, солдат и крестьян, т. е. большинства народа»⁵.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 371—373.

² Там же. Т. 17. С. 5.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 203.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ Там же. Т. 35. С. 36.

Этот вывод подтвердили вся последующая история, крепнущая борьба народных масс за мир, возрастающее их влияние на развитие международных отношений.

В наше время проблемы войны и мира, задача предотвращения мировой термоядерной войны становятся кровным делом всего прогрессивного человечества. Люди всей планеты все глубже осознают, что от их активной борьбы за мир зависит самое главное — спасение самой жизни на Земле. Эта борьба становится одним из важнейших факторов нынешней международной ситуации.

Именно этот животрепещущий вопрос был поставлен в центр внимания во время женеvской встречи М. С. Горбачева с Р. Рейганом. Исключительно важное место проблемам борьбы за мир отведено в проекте новой редакции Программы КПСС, где дан глубокий анализ острейших проблем современности и убедительно показано, что кровным интересам всех народов, всех стран отвечают прочный мир, «мирное сосуществование государств с различным общественным строем»⁶.

Решающей силой в борьбе за мир выступает рабочий класс, который, как подчеркивается в проекте новой редакции Программы КПСС, был и остается «основным революционным классом нашей эпохи»⁷.

Под руководством своего авангарда — международного коммунистического движения — рабочий класс планеты настойчиво борется за кровные интересы всех трудящихся, за социальный прогресс, мир, разоружение и всеобщую безопасность. Решительная борьба за мир — важнейшая общая задача не только коммунистических и рабочих партий, но и всех течений, всех отрядов международного рабочего движения⁸.

В первых рядах борцов за мир идет многонациональный рабочий класс СССР, в том числе рабочий класс Узбекистана. Рабочий класс республики активно участвовал и участвует в движении солидарности с народами Вьетнама, Лаоса, Камлучии, Ближнего Востока, Африки, Чили, Никарагуа, со всеми народами, борющимися с империалистическими агрессорами и внутренней реакцией. В 1977 г., например, при содействии Узбекского республиканского комитета защиты мира многолюдные митинги протеста против кровавого террора, развязанного фашистской хунтой в Чили, состоялись на Ташкентском текстильном комбинате, заводе «Ташсельмаш», Чирчикском электротехкомбинате, Самаркандской швейной фабрике им. 8 марта и др.⁹

Страстный голос рабочих республики не раз звучал на многолюдных митингах протеста против империалистической агрессии в Индокитае и на Ближнем Востоке. В этом ярко проявился интернационализм рабочего класса Узбекистана, неизменно выступающего на стороне сил национально-освободительного движения.

Многолюдные митинги в поддержку мирных инициатив СССР прошли на многих предприятиях Узбекистана. Как и все советские люди, труженики республики гневно осуждают преступления Израиля в Ливане, против арабского народа Палестины. Решительное «Нет!» гонке вооружений, милитаристскому курсу империализма заявили участники митинга на Ташкентском фарфоровом заводе. Они говорили о своей решимости крепить дело мира ударным трудом, увеличивать свой вклад в последовательную реализацию Программы мира¹⁰.

«Мы, рабочие, решительно осуждаем агрессивные действия израильских интервентов, поставивших своей целью уничтожение Палестинского движения сопротивления, — заявила на митинге коллектива производственного объединения «Ташкентский тракторный завод им.

⁶ Правда. 1985. 26 окт.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Текущий архив (ТА) Узбекского республиканского комитета защиты мира. Материалы за 1977 г.

¹⁰ Правда Востока. 1982. 30 июня.

50-летия СССР» работница Зульхумар Джураева.— Все честные люди стоят на стороне палестинского, ливанского и сирийского народов. И мы выступаем за восстановление законных прав арабского народа Палестины»¹¹.

Твердый курс Советского правительства на сохранение мира на планете находит глубокий отклик в сердцах рабочих, всех трудящихся Узбекистана. Так, в 1983 г. на Ферганском нефтеперерабатывающем заводе состоялся многолюдный митинг. Вот что сказал слесарь, участник Великой Отечественной войны В. П. Асеев: «Советские люди знают, что такое война, поэтому не хотят, чтобы на земле вспыхнул термоядерный пожар. И мы уверены, что опасные планы империалистов будут сорваны»¹². С осуждением агрессивной политики империалистов выступили на митинге ветеран труда, слесарь М. Усманов и другие рабочие. «Своим самоотверженным трудом,— подчеркивали нефтепереработчики,— будем и впредь крепить могущество Родины — оплота мира на планете»¹³.

«Наш курс — сохранение мира!» — под таким девизом прошел многотысячный митинг в Ташкентском производственном объединении «Малика». «Коллектив, в котором я работаю уже многие годы,— сказала кавалер ордена Ленина, вязальщица Ш. Халмухамедова,— многонациональный, в нем представлены десятки народностей и национальностей, проживающих в Советском Союзе. И все они, независимо от своей национальной принадлежности, хотят мира. Советский народ единодушно поддерживает политику Коммунистической партии Советского Союза, направленную на сохранение разрядки»¹⁴.

Активно участвуют в борьбе за мир коллективы Ташкентского АПО им. В. П. Чкалова, производственных швейных объединений — Ташкентского им. 50-летия УзССР и Компартии Узбекистана и Самаркандского им. 8 марта, Термезского отделения Среднеазиатской железной дороги, Ургенчской шелкоткальной фабрики и др.

Постоянно развиваются международные связи Узбекского республиканского комитета защиты мира. По линии Советского комитета защиты мира, Ассоциации содействия ООН в СССР, Комитета за европейскую безопасность и сотрудничество, Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, ряда других общественных организаций, выступающих в защиту мира, Узбекистан посетили только за последние 5 лет более 100 делегаций. Наши активисты, в том числе представители рабочего класса республики, в составе делегаций Советского комитета защиты мира побывали более чем в 30 странах¹⁵.

Борьба за мир требует значительных материальных средств. Решать эти проблемы во многом помогает Советский фонд мира. Он формируется из добровольных взносов трудящихся. Фонд мира объединяет всех, кто стремится содействовать борьбе за избавление человечества от угрозы войны, поддержать движение за мир, свободу и социальный прогресс народов. На текущий счет фонда поступают денежные взносы отдельных рабочих и целых коллективов. Это отчисления от заработной платы, средства от проведенных субботников и воскресников, дней и вахт мира, часть трудовых сбережений, хранящихся на сберкнижках, премии за изобретения и т. д.

О всенародном характере советского движения за мир ярко говорит тот факт, что более 90 млн. советских людей добровольно участвуют в пополнении Советского фонда мира¹⁶, который финансирует деятельность всех советских общественных организаций, участвующих в борьбе за мир и разоружение, принимает долевое участие в финан-

¹¹ Там же. 25 июня.

¹² Там же. 1983. 30 сент.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. 5 окт.

¹⁵ Там же. 1984. 1 сент.

¹⁶ *Век XX и мир*. 1985. № 3. С. 4.

сировании многих международных конгрессов, конференций, семинаров, оказывает помощь жертвам империалистических агрессий и геноцида, стихийных бедствий. Так, предметы первой необходимости, медицинские инструменты, лекарства, продовольствие, оборудование для школ, строительные материалы, приобретенные на средства из этого фонда, неоднократно направлялись народам Вьетнама, Кампучии, Афганистана, Анголы, Ливана, Никарагуа и др.¹⁷

Весомый вклад в Фонд мира вносят труженики Узбекистана. В республике действуют республиканское, 13 областных, 250 городских и районных отделений Советского фонда мира, более 6 тыс. комиссий содействия на предприятиях и др.¹⁸

Узбекское республиканское отделение Фонда мира ведет широко-масштабную работу по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся, участвует в антивоенных кампаниях, различных акциях солидарности с народами, ведущими борьбу за свою независимость. Отделение пропагандирует деятельность Советского фонда мира, привлекает в его ряды новых участников.

Ведущую роль в пополнении средств Фонда мира своими добровольными вкладами играет рабочий класс республики. Коллективы многих крупных промышленных предприятий — активные вкладчики фонда. Так, в 1981 г. десятки тысяч рублей перечислили в Фонд мира авиастроители Ташкента, свыше 80 тыс. руб. — рабочие Ферганы, 7 тыс. руб. — лифтостроители Самарканда. Эти средства заработаны ими на субботниках, воскресниках, «вахтах мира».

Достойный вклад в это общее дело вносят рабочие, все трудящиеся Самаркандской области. Только за 1975—1977 гг. они внесли в Фонд мира 500 тыс. руб.¹⁹

Активно участвуют в укреплении Советского фонда мира трудящиеся Сурхандарьинской области. Только в 1981 г. работники речного порта Термеза передали в фонд свыше 5000 руб.²⁰

Многие рабочие, бригады, целые коллективы предприятий Кашкадарьинской области также перечисляют средства в Советский фонд мира. Например, рабочие объединения «Каршистройиндустрия» внесли в 1983 г. 1500 руб.²¹

Труженики ТАПО им. В. П. Чкалова тоже вносят свою лепту в этот фонд. Заводчане дружно работают на субботниках, отчисляют часть зарплаты в Фонд мира, переводят на его счет личные сбережения и т. д.

В мае 1984 г., объявленном в нашей стране Месячником активных действий за предотвращение угрозы ядерной войны, в Узбекистане состоялось более 2 тыс. антивоенных митингов, в которых участвовало 750 тыс. человек²².

Рабочие республики, встав на вахту мира и дружбы, развернули соревнование за достижение наивысшей производительности труда. Отлично поработали на Ангренском угольном разрезе экипажи, возглавляемые кавалером ордена Ленина В. Лазаревым, передовиком производства Л. Мирсаитовым и др. В день вахты было добыто и отгружено на 3 тыс. т угля больше плана, а заработная плата за этот день была перечислена в Фонд мира.

С призывом дать достойный рабочий отпор проискам империализма, внести посильный вклад в дело мира выступили на митинге, состоявшемся на Узбекском металлургическом комбинате им. В. И. Ленина, представители трудовых династий, знатные сталевары В. Тимонин,

¹⁷ Правда Востока. 1985. 9 апр.

¹⁸ Там же. 14 апр.

¹⁹ Ленинский путь. 1978. 6 янв. (Самаркандская областная газета).

²⁰ Ленинское знамя. 1982. 27 апр. (Сурхандарьинская областная газета).

²¹ Кашкадарьинская правда. 1983. 9 дек.

²² ТА Узбекского отделения Советского фонда мира. Материалы за 1984 г.

Х. Нуржаев, М. Ядгаров, Г. Волк. Им и доверили открыть вахту. Выплата стали значительно превысила плановую, а всю заработную плату за вахтенный день сталевары перечислили в Советский фонд мира²³.

С каждым годом растет в Узбекистане движение по зачислению почетными членами трудовых коллективов героев Великой Отечественной войны, видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения, космонавтов и других знатных людей. Более чем в 50 коллективах республики числятся почетные члены, а их ежемесячная заработная плата перечисляется в Фонд мира. Так, коллектив смены цеха аммофоса Алмалыкского химического завода, зачисливший в 1974 г. своим почетным членом Героя Советского Союза Негматжана Хакимова, перевел в Фонд мира свыше 15 тыс. руб. Коллектив комсомольско-молодежной бригады ЧарвакГЭСстроя, работающей с 1980 г. и за летчика-космонавта В. А. Джанибекова, отчислил в Фонд мира более 9 тыс. руб.²⁴ Почетные члены коллектива Самаркандской швейной фабрики им. 8 марта — Луис Корвалан, Юлиус Фучик, Антонио Майдана, Зоя Космодемьянская, Юрий Гагарин, бывший слесарь фабрики, отдавший жизнь за дело мира, Александр Клочков²⁵.

Так рабочий класс Узбекистана, все трудящиеся республики наглядно демонстрируют свою преданность идеям пролетарской солидарности, делу мира и дружбы между народами.

Советские люди горячо поддерживают мысль, высказанную во время встречи с парламентариями Франции Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым: «Пусть двадцать первый век станет первым веком жизни без страха всеобщей гибели... Советский Союз готов внести свой вклад в обеспечение мирного, свободного, процветающего будущего Европы и всех других континентов. Мы для этого ничего не пожалеем»²⁶.

Рабочий класс Узбекистана, как и всей страны, полон решимости и впредь крепить экономическое и оборонное могущество нашей Родины, твердо отстаивать дело мира на Земле.

О. А. Тошпўлатов

**ТИНЧЛИК УЧУН КУРАШ УЗБЕКИСТОН ИШЧИЛАР СИНФИННИГ
ИНТЕРНАЦИОНАЛ БУРЧИДИР**

Ушбу мақолада Ўзбекистон мисолида аниқ фактик материаллар асосида ишчилар синфининг тинчлик учун курашдаги етакчи роли кўрсатиб берилган.

²³ Правда Востока. 1984. 9 мая.

²⁴ ТА Узбекского отделения Советского фонда мира. Материалы за 1984 г.

²⁵ Ленинский путь. 1978. 6 янв.

²⁶ Правда. 1985. 4 окт.

А. Е. БЕЗВЕРХОВ

**К МЕТОДИКЕ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ
ВОСПРОИЗВОДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ
ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ***

На XXI съезде Компартии Узбекистана особое внимание было уделено всемерной интенсификации развития народного хозяйства республики с максимально эффективным использованием всего ее экономического потенциала, трудовых ресурсов и др. В этой связи надо сказать, что усиление роли интенсивных факторов развития народного хозяйства требует совершенствования и максимального использования

* В порядке обсуждения.

производительных способностей работника, занятого в непосредственном общественном производстве.

Как подчеркивается в проекте новой редакции Программы КПСС, «успешное решение намеченных задач партия связывает с **повышением роли человеческого фактора**. Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах общественной жизни. Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении»¹.

Человек был и остается важнейшей производительной силой общества, роль которой еще более возрастает в условиях бурного научно-технического прогресса. Отсюда огромное значение имеет воспроизводство индивидуальной рабочей силы².

Для правильной, планомерной, научно обоснованной организации и управления этим важнейшим процессом необходима, в частности, цельная, внутренне органически и логически увязанная система оценочных показателей, фиксирующих воспроизводство индивидуальной рабочей силы. Между тем ознакомление с обширной нормативной и научной литературой показывает, что до сих пор такой системы не существует ни в теории, ни в практике планирования. Применяемые и рекомендуемые в этих целях показатели не в полной мере отвечают поставленной задаче. Мы попытались в известной степени восполнить этот пробел.

Проведенное нами исследование включает три момента: уточнение концептуальной основы содержания индивидуальной рабочей силы и ее воспроизводства в условиях социализма; социально-экономическую операционализацию³; разработку синтетического индекса индивидуальной рабочей силы. Остановимся на краткой характеристике указанных элементов.

1. Индивидуальная рабочая сила есть всегда «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»⁴.

В условиях социализма специфической экономической формой проявления индивидуальной рабочей силы выступает ассоциированная рабочая сила, а ее носителем — ассоциированный работник. Общественная собственность на средства производства создает отношения, при которых возможна всесторонняя деятельность человека. Каждый трудящийся выступает в качестве собственника на средства производства (но не отдельного собственника, а сохозяина условий своей коллективной деятельности) и непосредственного производителя материальных благ. Как сказано в проекте новой редакции Программы КПСС, «особое значение партия придает усилению творческого содержания и коллективистского характера труда, повышению его культуры, поощрению высококвалифицированной и высокопродуктивной работы на благо общества»⁵.

Это открывает широкий простор для развития и применения производительных способностей работника, соответствующих крупному общественному хозяйству. Преодолевается характерное для капитализма отчуждение общественного производства и его продукта от ра-

¹ Правда. 1985. 26 окт.

² Под воспроизводством индивидуальной рабочей силы подразумевается непрерывный процесс формирования, использования, сохранения, восстановления (включая воспроизводство будущих заместителей рабочей силы) и развития способностей работника к труду.

³ Под операционализацией понимается формирование системы частных показателей через конкретные признаки, раскрывающие на эмпирическом уровне состояние и тенденции развития рабочей силы.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 178.

⁵ Правда. 1985. 26 окт.

ботника. Цель развития производства совпадает с потребностями личности.

Однако эти известные методологические положения, на наш взгляд, не могут служить основанием для мнения, что воспроизводство рабочей силы при социализме означает воспроизводство «гармонически развитой личности, богатой индивидуальности» и даже «общественного человека» со всеми его качествами и свойствами, отражающими социалистические отношения. Думается, что постановка этой концепции даже на современном этапе преждевременна. Во-первых, вся совокупность свойств человека — способности к труду, политические, социальные, художественные, спортивные и другие свойства, образующие его личность, не представляют собой при социализме экономическую категорию. Последней является лишь та их часть, посредством которой осуществляется производительная, созидательная деятельность. Во-вторых, социализм как первая фаза тем и отличается от коммунизма, что уровень развития его производительных сил и степень зрелости производственных отношений находятся еще на несравнимо более низком уровне.

Более обоснованной представляется иная точка зрения, согласно которой воспроизводство работника не отождествляется с воспроизводством «человека и личности». Социальная и политическая деятельность трудящихся в значительной мере отделяется от деятельности, связанной с воспроизводством рабочей силы. Генезис экономических способностей работника происходит по пути изменения структуры, иерархии и параметров традиционных способностей к труду, а также путем развития подавляемых при эксплуататорских способах производства творческих качеств и некоторых свойств личного характера.

Но само по себе уяснение особенностей строения индивидуальной рабочей силы и ее воспроизводства при социализме не дает еще возможности фиксировать изменения их величины. Для этого необходимо конкретизировать генезис содержания экономических способностей работника во взаимосвязи с различными функциональными состояниями рабочей силы.

По признаку непосредственного участия в непосредственно общественном труде индивидуальная рабочая сила как экономическое явление объективно существует в двух основных функциональных состояниях — потенциальном, до соединения со средствами производства, и действующем — т. е. собственно использование сознательных способностей человека в общественном производстве. В свою очередь, потенциальное состояние рабочей силы также существует в двух формах: в форме «трудового ресурса индивида», т. е. совокупности физических и духовных способностей к труду, накопленной первоначально, до включения индивида в непосредственно общественное производство, и в форме «трудового ресурса работника», т. е. совокупности, возникающей и развивающейся на основе созидательной деятельности работника в сфере производства. В действующем состоянии рабочая сила выступает в форме ассоциированного работника, или «трудового потенциала работника», который отражает конкретную величину экономических способностей (часть или целое), фактически используемых в конкретном производстве⁶.

Нетрудно заметить, что интенсификация ресурса «индивидуальная рабочая сила» сводится к следующему. Во-первых, к созданию таких социально-экономических условий, при которых формирование рабочей силы происходило бы по наиболее полной структуре, наиболее

⁶ Термины «трудовой ресурс индивида», «трудовой ресурс работника», «трудовой потенциал работника» — введены в научный оборот Я. А. Павловым. По мнению автора, они позволяют наиболее полно охарактеризовать сущность движения индивидуальной рабочей силы. См.: Павлов Я. А. Трудовой потенциал работника. Кн. 1. М., 1977. С. 14—15.

высоким параметрам и в наиболее сжатые сроки. Во-вторых,— к созданию условий, при которых происходила бы максимальная реализация накопленного потенциала. В-третьих, указанные процессы должны осуществляться при условии нормального сохранения и восстановления затрачиваемых сил, не в ущерб личности трудящегося.

Таблица 1

Экономические способности индивида	Операционализация	
	индикаторы	показатели
1. Физические и эмоционально-психологические потенции и возможности человека к труду	Хронические заболевания и физические пороки, ограничивающие возможности трудовой деятельности индивида — уровень заболеваемости	Заболевания, приводящие к стойкому нарушению трудоспособности, по этнологически и патогенетически связанным классам; —инвалидность (стойкое нарушение трудоспособности); —число дней временной нетрудоспособности в год
2. Общеобразовательные и общекультурные знания и умения	—уровень общего образования	—число человеко-лет начального (школьного) образования
3. Общие профессиональные и специальные знания и умения	—уровень начального профессионального образования	количественные: —число накопленных человеко-лет профессионального образования качественные: —завершенность обучения (квалификационный разряд и т. п.)
4. Специфические знания и умения, необходимые для формирования и совершенствования собственных творческих сил для конкретного труда	—углубленное изучение предмета будущей профессии (факультативные занятия; прикладное творчество; чтение профессиональной литературы)	—частота: факультативных занятий; занятий прикладными видами творчества; чтения специальной литературы
5. Личностные качества жажда познаний, воля, чувство ответственности за порученное дело, отношение к труду).	—качество образования; уровень успеваемости в учебе, пропуски учебных занятий	—средний балл полученных отметок —количество пропущенных занятий по неуважительным причинам
6. Начальные знания и умения ведения домашнего хозяйства	—участие во внутрисемейных формах домашнего труда	—ежедневно затрачиваемое время на домашний труд
7. Начальные способности воспитывать и обучать других людей, особенно детей	—практическая помощь родителям в воспитании младших членов семьи; —непродолжительное руководство небольшим коллективом людей	—формы руководства
8. Знания и умения организации активного и здорового отдыха	—сложившийся тип проведения свободного времени	—формы организации досуга

Что дает выделение различных функциональных состояний индивидуальной рабочей силы с точки зрения ее воспроизводства?

Определив содержание каждого функционального состояния, можно перейти к поиску социально-экономических индикаторов⁷ произво-

⁷ Индикатор — это эмпирически устанавливаемый факт, существующее явление, наблюдаемый и измеряемый представитель другого явления, недоступного наблюдению и измерению. См.: Андреев Э. П., Блинов Н. М. Методологические проблемы построения показателя в социологическом исследовании. — Социальные исследования: построение и сравнение показателей. М. 1978. С. 35.

дительных способностей работника, а от них — к разработке научного инструментария в виде единой системы оценочных показателей, позволяющих «схватить» воспроизводство рабочей силы. Ведь каждое отдельное функциональное состояние, выраженное через определенные показатели, представляет собой своеобразный снимок оптимальности производственных отношений, складывающихся по поводу воспроизводства рабочей силы.

Сопоставление величин показателей, фиксирующих каждое отдельное функциональное состояние с соответствующим социально-экономическим эталоном, в соответствии с выбранными заранее критериями, выдвигаемыми современным производством и социалистическими производственными отношениями, представляет собой не что иное, как оценку эффективности воспроизводства индивидуальной рабочей силы.

2. Каков же конкретный состав каждого из функциональных состояний индивидуальной рабочей силы? Ответ на это дают многочисленные исследования, посвященные выделению базовых групп производительных способностей, в зависимости от источников их формирования, приобретения, содержания и функций в экономической активности работника. На основании критического обзора результатов этих исследований⁸ проведена операционализация «трудового ресурса индивида», «трудового ресурса работника» и «трудового потенциала работника». В качестве примера в табл. 1 приведены состав «трудового ресурса индивида» и схема его социально-экономической операционализации.

Включение индивида в производство количественно и качественно изменяет состав, а значит и показатели «трудового ресурса».

С одной стороны, технико-организационная и экономическая обусловленность конкретного рабочего места ведет к формированию ряда новых свойств: способностей совершенствоваться в процессе труда первоначально приобретенные профессиональные знания и умения; росту мастерства на основе производственного стажа; способностей совершенствовать орудия и предметы труда; способностей к организации и управлению производством; способностей к перемене сферы приложения труда (овладение другими профессиями) и географической перемене места жительства. Им соответствуют показатели: число человеко-лет профессионального образования, полученного после включения в непосредственно общественное производство, с учетом завершенности обучения; число проработанных лет; общее количество поданных рационализаторских и изобретательских предложений (изобретений) за время трудовой деятельности; количество предложений по улучшению организации и управлению производством; число человеко-лет профессионального образования, затраченных на получение второй профессии, с учетом завершенности обучения; число сменных мест работы, с учетом общего производственного стажа; число сменных мест жительства работника с учетом географии перемещений. Изменяются и требования: к общеобразовательному и общекультурному уровню работника; к способности самостоятельно перерабатывать новую информацию и повышать свои знания, а также обучать и воспитывать других людей.

С другой стороны, дифференциация доходов и социального положения работника (вследствие различий между трудом разной сложности, эффективности и общественной значимости) обуславливает ко-

⁸ Еловиков Л. А. Социально-экономические закономерности воспроизводства рабочей силы при социализме. Новосибирск, 1975. С. 13—14; Гойло В. С. Современные буржуазные теории воспроизводства рабочей силы. М., 1975, С. 181—185; Цыпин Б. Л. Рабочая сила и ее особенности в период развитого социалистического общества. М., 1978. С. 20; Осадько М. П., Гусятинская Е. Л. Социально-экономическая природа способностей к труду работника социалистического общества.— Вестник МГУ. Сер. экон. 1982. № 1. С. 23; Ковалев А. А. Социально-экономическое содержание способностей работника в социалистическом обществе.— Изв. АН СССР. Сер. экон. 1983. № 4. С. 23.

ренное изменение параметров способностей, обеспечивающих рекреационно-воспроизводственные функции: знаний и умений ведения домашнего хозяйства; воспитания и обучения детей; организации активного и здорового отдыха. Им соответствуют показатели: ежедневно затрачиваемое время на домашний труд, семейное положение, наличие и число детей, формы приобщения детей к обязательному домашнему труду, беседы и работа со старшими детьми в возрасте 13—18 лет; формы организации досуга с учетом циклов восстановления рабочей силы (ежедневный отдых после рабочего дня, досуг выходного дня, ежегодный трудовой отпуск).

Реально используемая в условиях конкретного производства часть «трудового ресурса» составляет «трудовой потенциал работника».

Величина потребления физических и эмоционально-психологических способностей, с учетом оптимальности других воспроизводственных процессов, проявляется двояко: а) когда физическое состояние не ухудшается более величины, обусловленной естественным старением человеческого организма и б) когда допускается расточительная трата физических энергоресурсов. Показателями последней являются хронические заболевания, физические пороки и увечья, приобретенные после включения индивида в непосредственно общественное производство, ранжированные по степени потенциальной (приводящей к стойкому нарушению) и фактической опасности (стойкое нарушение трудоспособности — группы инвалидности), а также число дней временной нетрудоспособности в год.

Показателем использования общих профессиональных знаний и умений по полученной до включения в общественное производство профессии выступает использование работника по специальности (основной или смежной) в соответствии с присвоенной квалификацией, разрядом, классностью, категорией, научным званием.

Индикатором использования способностей к совершенствованию в процессе труда своих знаний и навыков является общественное признание администрацией предприятия возросшего мастерства работника. Это выражается в наличной квалификации, разряде, классности, категории, должности, на которой используется работник.

Показателем использования способностей к овладению другими профессиями выступает работа по второй профессии в соответствии с присвоенной квалификацией, разрядом и т. д.

Индикатором накопленного производственного опыта, общеобразовательной и общекультурной подготовки, способностей к самосовершенствованию (обучению самого себя) и личностных качеств является трудовая активность работника. Последней соответствуют два показателя: уровень выполнения производственных заданий (планов, норм выработки и т. п.) и потери рабочего времени по вине работника.

Индикатором использования способностей к организации и управлению производством, воспитанию и обучению других людей выступает продвижение работника по лестнице должностей (звеньевой, бригадир, мастер, старший мастер, инженер, старший инженер и т. д.), показателем — занимаемая должность.

Показателем использования способностей совершенствовать орудия и предметы труда является количество поданных рационализаторских и изобретательских предложений (изобретений) за время работы на данном предприятии.

Индикатором способностей к географической перемене места жительства выступает приживаемость мигранта, показателем — длительность проживания на новом месте жительства.

3. Данные показатели составляют основу количественной оценки воспроизводства рабочей силы. Основную трудность представляет соизмерение, на первый взгляд, разнородных, не поддающихся суммированию элементов. Неясно, к примеру, каким образом соизмерить общие физические и эмоционально-психологические потенции и возмож-

ности человека со знаниями и умениями ведения домашнего хозяйства, ведь речь идет о разного рода потребительных стоимостях.

Проблему несоизмеримости разнородных, но связанных внутренним единством явлений можно решить только путем построения комплексного показателя в виде синтетического индекса, который отражал бы динамику воспроизводства рабочей силы как поэтапно, так и в целом.

Конструкция такого показателя предусматривает оценку вариаций индикаторов индивидуальной рабочей силы; суммирование таких оценок по специальным коэффициентам (в соответствии со значимостью групп показателей в системе воспроизводства рабочей силы); суммирование групповых оценок. Для построения синтетического индекса производительных способностей и качеств работника предлагается следующий способ исчисления.

Синтетический индекс индивидуальной рабочей силы (И. р. с.) представляет собой отношение суммы фактических вспомогательных индексов к оптимальному показателю. Вспомогательные индексы представляют собой количественную оценку функциональных состояний рабочей силы. Таким образом, синтетический индекс рабочей силы складывается из трех групп показателей: количественной оценки «трудового ресурса индивида», количественной оценки «трудового ресурса работника» и количественной оценки «трудового потенциала работника».

Т а б л и ц а 2

Показатели (группа I)	Оценка индикаторов для исчисления вспомогательных индексов Р. С.						
1.
2. Число человек-лет начального (школьного) образования	4 класса (включительно)	5—6 классов	7 классов (после 1964 г.)	7 классов (до 1964 г.)	8 классов	9 классов	10 классов
Оценочный балл	0	1	2	3	3	4	5
3. Число человек-лет начального профессионального образования	До 3 месяцев	От 3 месяцев до 1 года	От 1 года до 2 лет	От 1 года до 5 лет (СПТУ)	От 1 года до 5 лет (техникум)	От 1 года до 5 лет (вуз)	От 1 года до 3 лет (очн. аспирант.)
Оценочный балл	1	2	3	4	5	6	7

Величина каждого показателя, входящего в состав того или иного функционального состояния, получает количественную оценку (оценочный балл) в зависимости от значения, которое придается данному фактору в общей характеристике рабочей силы (в качестве примера см. иллюстративный фрагмент, представленный в табл. 2).

Все количественные оценки фактических показателей (Р. С._к) суммируются по каждому индивидууму (i) отдельно и определяется их отношение к максимально возможному по данной группе итогу оценок индикаторов показателей ($\Sigma P. C_{ki}/\Pi_k$). Полученные относительные величины представляют собой вспомогательные индексы, каждый из которых дает количественную оценку соответствующего функционального состояния рабочей силы.

К полученным индексам применяются поправочные коэффициенты (T_1, T_2, T_3), т. е. производится взвешивание групповых оценок. Величина поправочного коэффициента определяется тем значением, которое придается данному функциональному состоянию в общей системе показателей воспроизводства рабочей силы. Принимая во внимание то, что на первой фазе коммунистического строительства «трудовой ресурс» индивида и работника реализуется в производстве лишь частич-

но, а также учитывая объективные трудности, связанные с фиксацией этой величины, представляется целесообразным применение наибольшего поправочного коэффициента к группе признаков, характеризующих «трудовой потенциал работника». Условно примем поправочные коэффициенты для первой группы $T_1=1,0$, для второй $T_2=1,0$, для третьей $T_3=2,0$.

После применения поправочных коэффициентов вспомогательные индексы суммируются, образуя обобщенный показатель, который относится к сумме поправочных коэффициентов и выражает собой оптимальный уровень развития и использования в производстве созидательных способностей работника.

В окончательном виде формула синтетического индекса индивидуальной рабочей силы примет следующий вид:

$$I_{p.c.} = \frac{T_1 \frac{\Sigma P.C._{1i}}{n_1} + T_2 \frac{\Sigma P.C._{2i}}{n_2} + T_3 \frac{\Sigma P.C._{3i}}{n_3}}{\Sigma T_n},$$

где:

$P.C._{1i}$; $P.C._{2i}$; $P.C._{3i}$ — оценочные баллы фактических показателей функциональных состояний рабочей силы соответственно в группах 1, 2, 3 для i -го работника;

n_1, n_2, n_3 — максимально возможное число баллов в каждой группе показателей;

T_1, T_2, T_3 — поправочные коэффициенты для соответствующих групп показателей;

ΣT_n — сумма поправочных коэффициентов;

n — число групп показателей.

Тогда выражение $T_1 \frac{\Sigma P.C._{1i}}{n_1}$ — есть индекс «трудового ресурса индивида». Величина этого показателя отражает эффективность формирования рабочей силы индивида до включения в непосредственно общественное производство. Чем выше эта величина или чем более она приближается к единице, тем оптимальнее складываются экономические отношения между индивидом и обществом по поводу формирования его рабочей силы.

Выражение $T_2 \frac{\Sigma P.C.}{n_2}$ — индекс «трудового ресурса работника».

Оно отражает эффективность осуществления процессов сохранения, восстановления и непрерывного дальнейшего развития экономических способностей, включая физиологическое и духовное воспроизводство себе подобных.

Наконец, выражение $T_3 \frac{\Sigma P.C._{3i}}{n_3}$ — индекс «трудового потенциала работника». Оно отражает оптимальность потребления рабочей силы в процессе производства (производительное потребление).

В идеальном варианте величины «трудового ресурса индивида» и «трудового ресурса работника» в сумме должны быть равны величине «трудового потенциала работника». Преимущества коммунистического способа производства состоят в том, что он создает отношения, при которых возможно не только неограниченное развитие производительных способностей человека, но и их полное использование в общественно необходимом труде.

А. Е. Безверхов

**СОЦИАЛИЗМДА ЯККА ИШЧИ КУЧНИ МИҚДОРИЙ
ҚАЙТА БАҲОЛАШ МЕТОДИКАСИГА ДОИР**

Мақолада муаллиф якка ишчи кучни миқдорий қайта баҳолаш тўғрисида ўз мулоҳазаларини баён этади.

РОЛЬ «КОМСОМОЛЬСКОГО ПРОЖЕКТОРА» В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Проблемы повышения жизненного уровня трудящихся занимают одно из центральных мест в марксистско-ленинской теории и практике строительства социализма. Еще Ф. Энгельс в предисловии к работе «Положение рабочего класса в Англии» отмечал: «Положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных достижений современности...»¹

При социализме неуклонное повышение уровня жизни трудящихся выступает объективной потребностью и закономерностью развития общества. В. И. Ленин указывал, что «только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния. Только социализм может осуществить это. И мы знаем, что он должен осуществить это, и в понимании такой истины вся трудность марксизма и вся сила его»².

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и строительство социализма в нашей стране создали реальные возможности для коренного улучшения жизни и всестороннего развития личности тружеников города и села.

Растущий экономический и духовный потенциал страны обеспечивает необходимые условия для «полного благосостояния и свободного всестороннего развития *в с е х* членов общества»³.

Ныне, как подчеркивается в проекте новой редакции Программы КПСС, «КПСС ставит задачу поднять благосостояние советских людей на качественно новую ступень, обеспечить такой уровень и структуру потребления материальных, социальных и культурных благ, которые будут в наибольшей степени отвечать целям формирования гармонично развитой, духовно богатой личности, создания необходимых условий для наиболее полного раскрытия способностей, дарований и талантов советских людей в интересах общества»⁴.

Этой важной экономической и социальной задаче партия уделяет повседневное и неослабное внимание. В решении ее особое значение имеют расширение производства и улучшение качества товаров народного потребления. Увеличение производства товаров народного потребления, улучшение их качества — одна из узловых проблем развития нашей экономики на предстоящие годы. В целях решения ее разработана Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 годы⁵.

Большое внимание в ней отведено развитию легкой промышленности. В XII пятилетке предусмотрено довести выпуск товаров легкой промышленности до 103 млрд. руб. (в розничных ценах) против 85 млрд. руб. в 1985 г. Опережающими темпами будет развиваться производство одежды, обуви, тканей, трикотажа.

Особое внимание уделяется улучшению качества товаров. Так, намечено выпустить в 1990 г. новых товаров улучшенного качества в

¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 238.

² Ленин В. И. Речь на Всероссийском съезде Советов народного хозяйства.— Полн. собр. соч. Т. 36. С. 381.

³ Там же. Т. 6. С. 232.

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). Проект. М., 1985. С. 38.

⁵ См.: Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 годы.— Партийная жизнь. 1985. № 20. С. 14.

1,4 раза больше, чем в 1985 г.⁶ Именно критерии улучшения качества продукции выдвигаются партией сегодня на передний план.

На встрече с коллективом Днепропетровского металлургического завода Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отмечал: «Низкое качество товаров, оборудования ощущает каждый труженик, каждый человек. Это — ненадежность работ механизмов на производстве, трата времени и средств на ремонт бытовой техники; это — неудовлетворенность внешним видом многих товаров. Производить некачественную продукцию — значит транжирить труд, творческие способности человека, материальные ресурсы. Поэтому коренное улучшение качества продукции приобретает сегодня первостепенное значение»⁷. Особое внимание вопросам качества товаров народного потребления было уделено и на XXI съезде Компартии Узбекистана.

Необходимость постоянного повышения качества товаров народного потребления обусловлена рядом объективных причин. Во-первых, — это подъем жизненного уровня советского народа, повышение его растущих потребностей именно в высококачественных товарах. Во-вторых, повышение качества продукции диктует научно-техническая революция. На современном этапе высокое качество изделий — необходимая предпосылка для создания и безотказного функционирования все более усложненной техники. В-третьих, — это дальнейшее развитие специализации и кооперации производства. Наконец, это — престиж советской продукции на мировом рынке, необходимость дальнейшего развития внешней торговли СССР. В этой связи напомним, что внешнеторговый оборот страны уже превысил 140 млрд. руб.⁸

В последнее время заметно активизировалась работа по повышению качества продукции всех отраслей народного хозяйства, в том числе товаров народного потребления. Так, по данным ЦСУ СССР, только в 1985 г. промышленностью страны освоено производство и начат выпуск 4 тыс. видов новой продукции. Увеличилось производство товаров легкой промышленности улучшенного качества с индексом «Н» и особо модных изделий. Улучшилось качество многих продуктов питания, бытовой техники и т. д. Доля промышленной продукции высшей категории качества в общем объеме производства составила 16,5%⁹.

Однако это лишь начало развертывания широкого комплекса мероприятий в борьбе за высокое качество товаров народного потребления. Недаром в проекте Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года особо отмечена необходимость «существенно улучшить качество изделий, повышать их технический и эстетический уровень, надежность в эксплуатации»¹⁰.

Партия и правительство настойчиво добиваются дальнейшего улучшения качества всей производимой продукции, включая товары народного потребления. Разработан план стандартизации как составной части пятилетнего народнохозяйственного плана. Пересматриваются устаревшие и вводятся прогрессивные стандарты, в которых устанавливаются показатели качества не ниже достигнутых отечественной и зарубежной промышленностью. С 1 июля 1984 г., в соответствии с требованиями постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве»¹¹, введен новый порядок аттестации качества промышленной продукции, утвержденный Госстандартом ГКНТ, Госпланом и Госкомцен СССР, которым введены две категории качества — высшая и первая,

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Горбачев М. С. Активно действовать, не теряя времени. М., 1985. С. 21.

⁸ Правда. 1986. 26 янв.

⁹ Там же.

¹⁰ Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. Проект. — Правда. 1985. 9 нояб.

¹¹ Справочник партийного работника. М., 1984. Вып. 24. Ч. II. С. 208—211.

а изделия, не аттестованные по этим категориям, подлежат снятию с производства¹². Преимущество нового Положения состоит в том, что аттестация проводится непосредственно на местах, что способствует быстрой обновляемости ассортимента за счет сокращения срока внедрения новых изделий в производство.

В борьбе за высокое качество товаров народного потребления призваны активно участвовать все трудовые коллективы и общественные организации, в том числе комсомол. Как сказано в проекте новой редакции Программы КПСС, «партия будет и впредь повышать роль комсомола в воспитании подрастающей смены, в практическом решении задач ускорения социально-экономического развития страны»¹³.

Надо сказать, что комсомольские организации Узбекистана накопили немалый опыт борьбы за высокое качество продукции. Эти вопросы по-деловому рассматриваются на комсомольских собраниях, заседаниях комитетов и бюро. Регулярно заслушиваются отчеты молодых специалистов, руководителей комсомольско-молодежных бригад, участков, смен. Комсомольские организации активно способствуют повышению ответственности комсомольцев и молодежи за организацию социалистического соревнования, за выпуск высококачественных изделий, за честь и марку своего предприятия.

Ныне на всех предприятиях и в организациях легкой промышленности, где выпускается большая часть товаров народного потребления, действуют штабы и посты «комсомольского прожектора» («КП»). Именно через них комсомольские организации оказывают свое воздействие на повышение качества производимой продукции. За последний период намного активизировалась борьба штабов и постов «комсомольского прожектора» с нарушителями трудовой дисциплины, чья расхлябанность самым негативным образом отражается и на качестве товаров. Строже стал подход к комсомольцам и молодежи, допускающим брак в работе.

Так, в Наманганском производственном объединении нетканых материалов действуют штаб и 11 постов «КП». Штаб, возглавляемый молодым коммунистом Б. Салмакбаевым, строит свою работу по перспективному плану, утвержденному на заседании комитета комсомола. Лишь в январе-октябре 1985 г. силами «прожектористов» было проведено 9 рейдов, из них 4 — по проверке качества продукции. В феврале 1985 г. инспекция лаборатории госнадзора забраковала продукцию объединения. Этот факт не остался без внимания комсомольцев. На заседании комитета комсомола было решено усилить контроль за качеством продукции, увеличить действенность рейдов «комсомольского прожектора». На производстве стали дважды в месяц проводиться дни качества, на которых не только разбирались результаты рейдов, критиковались рабочие, выпускающие брак, но и выяснялись причины, порождающие брак, выносились рекомендации по их устранению.

«Прожектористы» предприятия совместно с комиссией по контролю за деятельностью администрации при парткоме, а также с группой народного контроля следят за ходом социалистического соревнования за высокое качество продукции. Эта работа намного активизировалась в дни подготовки к XXVII съезду КПСС. В цехах на специальных стендах постоянно освещаются показатели работы смен, ведется подсчет десятидневков, а победителей награждают почетными грамотами, ценными подарками. В результате намного улучшилось качество изделий, сократилось количество санкций¹⁴.

¹² См.: Шмелев Д. Н. Выполнение планов под жесткий контроль.— Плановое хозяйство. 1985. № 1. С. 20.

¹³ Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). Проект. С. 50.

¹⁴ Текущее делопроизводство Наманганского обкома комсомола. Информация о работе штаба «комсомольского прожектора» Наманганского объединения нетканых материалов от 26 октября 1985 г.

Активную работу ведут члены «КП» Наманганского производственного шелкового объединения. Здесь «прожектористы» в борьбе за качество продукции уделяют особое внимание соблюдению технологической дисциплины, решительно пресекают прогулы, опоздания и др. «Прожектористов» часто можно видеть около проходной комбината. Постоянно практикуются рейды по проверке использования рабочего времени. Так, 10 октября 1985 г. «прожектористы» выявили, что на работу опоздали 14 комсомольцев, из них двое опаздывают уже второй раз. Было решено обсудить их на заседании комитета комсомола, который высказался за лишение этих работников премий в размере 50%. Администрация поддержала предложение комитета комсомола. В результате подобных мероприятий число прогульщиков на предприятии снизилось до 0,5%¹⁵.

Настойчиво добивается выработки высококачественной продукции при экономии сырья и иных ресурсов штаб «комсомольского прожектора» Наманганского шелкового комбината авровых тканей им. XXV съезда КПСС. Ныне там трудятся почти 4,2 тыс. юношей и девушек в возрасте до 30 лет, и из них более 3,8 тыс.— члены ВЛКСМ. Свыше 3 тыс. молодых тружеников работают на основном оборудовании; 68 комсомольско-молодежных коллективов объединяют половину работающей на предприятии молодежи.

Комитет комсомола и штаб «КП» сделали особый упор на формирование на комбинате комсомольского счета экономии и бережливости. Включившись во Всесоюзный общественный смотр эффективности использования сырья, материалов и топливно-энергетических ресурсов, комитет комсомола, штаб «комсомольского прожектора» разработали мероприятия по внедрению лицевых счетов экономии и организовали на их основе социалистическое соревнование молодых рабочих и комсомольско-молодежных коллективов.

Эти и другие мероприятия комитета комсомола и штаба «комсомольского прожектора» способствовали повышению качественных показателей работы комбината. Вся продукция, полученная за счет экономии сырья и ресурсов, отличается высоким качеством. Не случайно коллектив комбината носит высокое звание — «Предприятие отличного качества».

В современных условиях проблема улучшения качества товаров народного потребления неотделима от проблем, выдвигаемых научно-техническим прогрессом. Именно за счет внедрения в производство новейших достижений науки и техники достигается высокое качество изделий. Поэтому апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС еще раз подчеркнул: «Ускорение научно-технического прогресса и роста эффективности производства неотделимо от решительного улучшения качества продукции»¹⁶.

Положительную работу в данном направлении проводит, например, комсомольская организация Наманганского производственного швейного объединения. Модернизация, шефство над внедрением новой техники стали нормой работы комсомольцев этой организации. Так, в целях улучшения качества изготовления женских национальных платьев было решено установить специальные машины для втачивания рукавов 8332/707 класса «Текстима». Комсомольцы, особенно молодые специалисты, живо откликнулись на это решение администрации и партийной организации. Комитет комсомола привлек к данной работе лучших комсомольцев и взял под контроль установку нового оборудования. Администрация доверила работать на этих машинах комсомольско-молодежной бригаде пошивочного цеха. И комитет комсомола,

¹⁵ Справка о работе «комсомольского прожектора» Наманганского шелкового объединения от 11 октября 1985 г.

¹⁶ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года. М., 1985. С. 11.

а особенно штаб «КП», активно содействуют полному использованию имеющихся технических мощностей.

Много внимания уделяет комитет комсомола и аттестации молодых специалистов, повышению их квалификации, вовлечению в кружок молодых изобретателей и рационализаторов.

Все это способствует улучшению качества продукции. 12 комсомольско-молодежных бригад и поток отличного качества работают без брака¹⁷.

Вместе с тем в деятельности «комсомольского прожектора» в борьбе за высокое качество товаров народного потребления имеются некоторые проблемы. Порой членам штабов и постов «комсомольского прожектора» не достает контрольных навыков. На наш взгляд, целесообразно было бы проводить учебу членов штаба «комсомольского прожектора» по отраслям промышленности при обкомах, горкомах, райкомах комсомола согласно программе, разработанной соответствующим отделом ЦК ЛКСМУз. Повышению роли «комсомольского прожектора» в улучшении качества продукции мог бы способствовать и широкий обмен опытом работы в форме проведения вечеров вопросов и ответов, деловых встреч и т. д.

Все это, несомненно, позволит активизировать многогранную работу по дальнейшему повышению качества товаров народного потребления в интересах удовлетворения растущих запросов тружеников города и села.

Д. Дадажонова

ХАЛҚ ИСТЕЪМОЛ МОЛЛАРИ СИФАТИНИ ОШИРИШДА «КОМСОМОЛ ПРОЖЕКТОРИ»НИНГ РОЛИ

Мақола энг долзарб масалага — халқ истеъмол моллари сифатини ошириш учун курашга бағишланган. Муаллиф аниқ материаллар асосида ишлаб чиқариш штаблари ва постларида ҳаракатда бўлган «комсомол прожектори»нинг бу курашдаги актив ролини ёритиб берган.

¹⁷ Информация комитета комсомола Наманганского производственного швейного объединения от 27 сентября 1985 г.

В. Г. ЧЕРНИК

НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И РАЗВИТИЕ НАУКИ

Наука в настоящее время стала одной из важнейших сфер человеческой деятельности. Она оказывает все возрастающее влияние на производство и духовную культуру, вовлекая в сферу своего действия значительное количество интеллектуальных и материальных ресурсов. Такое положение науки в общественной системе делает ее существенным фактором социального прогресса в условиях социализма.

Социалистическое общество, как подчеркнуто в проекте новой редакции Программы КПСС¹, заинтересовано в обеспечении максимальной эффективности научной деятельности, укреплении связи науки с производством, в реализации всех ценностей научного знания. В силу этого важнейшей задачей является изучение закономерностей развития самой науки, которые выступают объективными основаниями ее управления и планирования.

В сложном комплексе проблем развития науки важнейшее место принадлежит проблеме научных революций. Обширный объем публикаций по данной проблематике свидетельствует о неослабном внима-

¹ См.: Правда. 1985. 26 окт.

нии исследователей к разнообразным аспектам этого феномена в развитии науки. Но ряд вопросов не получили еще достаточной разработки. К их числу относится проблема содержательного определения понятия научной революции, с однозначным решением которой тесно связана совокупность вопросов о типологии научных революций и периодизации этапов в истории развития науки, а также вопрос о прогрессе науки в целом.

Анализ советской литературы по проблеме научной революции показывает отчетливые различия в критериях выбора тех существенных компонентов науки, качественные изменения которых в процессе ее развития и составляют суть понятия научной революции. Например, И. С. Шкловский считает определяющим критерием научной революции материально-предметные средства получения эмпирических данных науки². Б. М. Кедров полагает, что «научные революции свершаются в сфере теоретических представлений, но не в сфере разработки способов экспериментальных исследований, создания новых инструментов, открытий чисто эмпирического характера»³. На логические аспекты перехода структур научного знания в ходе научных революций, которые составляют сущность этого процесса, указывает и М. Э. Омеляновский⁴. Ю. В. Сачков видит основной критерий научной революции в коренной перестройке стиля мышления ученых⁵. В. С. Стёпин связывает научные революции со сменой научных картин мира, идеалов и норм исследования, составляющих основания науки⁶. Систему комплексных критериев, характеризующих состояния объекта, субъекта науки и самого научного знания в ходе научной революции, выдвигают в своих работах В. А. Амбарцумян и В. В. Казютинский⁷. В. М. Найдыш считает необходимым при этом учет ценностного компонента науки (идеалы, установки, ценности ученых, влияющие на процесс формирования нового знания)⁸.

На наш взгляд, решение проблемы однозначных критериев научных революций видится прежде всего в анализе науки, представляющей собой вид социальной деятельности. Наука в широком смысле этого слова представляет собой специфическую форму духовного производства⁹. Такой подход требует понимания науки как сложного социального организма, воплощающего в себе единство логико-гносеологического аспекта, «когда наука исследуется как формирующаяся и развивающаяся система знания и познания...» и социологического аспекта, «когда наука изучается как социальный институт, как определенная форма человеческой деятельности, протекающей в конкретных социально-экономических условиях»¹⁰. Иначе говоря, подход к анализу проблемы научных революций должен учитывать полиструктурный характер науки, включенность в ее содержание многообразных компонентов. В частности, рассматривая структуру научной деятельности,

² См.: Шкловский И. С. Вторая революция в астрономии подходит к концу.— Вопросы философии. 1979. № 9.

³ Кедров Б. М. О революционном пути естествознания (К дискуссии по поводу научных революций).— Вопросы истории естествознания и техники. 1980. № 3. С. 64.

⁴ См.: Омеляновский М. Э. Диалектика революций в физической науке и фундаментальные идеи ее основных теорий.— Вопросы философии. 1978. № 9.

⁵ См.: Сачков Ю. В. Проблема стиля мышления в естествознании.— Философия и естествознание. М., 1974.

⁶ См.: Стёпин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976; его же. Научные революции и нелинейный характер роста знаний.— Диалектика — мировоззрение и методология современного естествознания. М., 1983.

⁷ Амбарцумян В. А., Казютинский В. В. Научные революции и исследования Вселенной.— Философия. Естествознание. Современность. М., 1981.

⁸ См.: Найдыш В. М. Об основных этапах естественнонаучных революций.— Диалектика — мировоззрение и методология современного естествознания.

⁹ Келле В. Ж., Макешин Н. И. Социологические проблемы исследования отношений и деятельности в сфере науки.— Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. М., 1980.

¹⁰ Там же. С. 25.

можно различать в ней такие уровни, как уровень, связанный с получением научного знания, иначе: технологический уровень научного познания¹¹, теоретико-методологический уровень функционирования и развития науки, а также ее социальные, организационные и ценностные компоненты. Эти уровни отражают различные аспекты функционирования и развития науки.

Так, технологический уровень науки включает в себя прежде всего характеристики субъекта познания, оснащенность субъекта теоретическими и эмпирическими методами, средствами и способами получения знания. На этом уровне отражается и определенная специфика изучаемой реальности, связанная с применением тех или иных орудий познания.

Теоретико-методологический уровень науки связан с решением проблемы систематизации полученных знаний путем создания научных теорий, концепций и включает в свое содержание основные фундаментальные идеи, принципы, положения различной степени общности, на основе которых наличное знание функционирует и развивается.

Существенное место в структуре науки занимает ее социальный компонент, связанный с наличием определенных социальных функций. Прогресс в науке детерминируется прогрессом общества, уровнем его материального и духовного производства. Наука же, выступая специфическим способом духовного производства, сама способна оказывать детерминирующее влияние на развитие материального производства и духовной культуры в целом. Оценка места науки, ее роли и функций в системе общественных отношений и составляет социальный аспект научной деятельности. Социальный компонент науки представляет собой дифференцируемую систему отношений науки с социальным целым по широкому спектру характеристик, разнообразие которых определяется как уровнем развития науки, так и общества в целом.

Вместе с тем социальная значимость науки определяет другой ее аспект — организационный. Наука представляет собой систему организации производства научных знаний, выступает как совокупность научных организаций и учреждений с их системами управления и планирования. Все это позволяет рассматривать науку как социальный институт, организационные отношения в котором призваны обеспечивать наилучшую эффективность научной деятельности на каждом этапе ее развития.

И наконец, важнейшую роль в развитии науки играют ценностные установки ученого, связанные с идеалами существования и развития науки, отражающие в себе уровень духовной культуры общества, в том числе и социально-психологические основания процесса формирования и развития науки.

Итак, наука представляет собой полисистемное образование, характеризующееся в таких аспектах, как: 1) технологический, 2) теоретико-методологический, 3) социальный, 4) организационный, 5) ценностный. Выделение этих компонентов, безусловно, представляет собой определенную схематизацию целостного организма науки, различные стороны которого находятся в тесном взаимодействии и единстве между собой; вместе с тем данный подход способен прояснить общую картину революционных преобразований науки. Суть дела заключается в том, что осознание факта полисистемности науки с очевидностью предполагает использование системного подхода в решении проблемы научных революций.

Иначе говоря, революции в науке обладают не единственным критерием своего выделения, а характеризуются совокупностью, комплексом критериев; революционные изменения науки касаются всех ее существенных компонентов. На этом основании научную революцию

¹¹ См.: Кох Р. Социальные отношения и материальная деятельность. — Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972.

можно определить как систему глубоких изменений в развитии науки, затрагивающих все структурные ее компоненты: технологический, теоретико-методологический, социальный, организационный и ценностный. Учет последнего положения в исследовании истории науки позволяет представить развитие науки с момента ее оформления как целостного качества в виде определенных, следующих друг за другом этапов революций.

Первый этап научной революции ограничен рамками XVI—XVII вв. До этого познавательная деятельность по форме своей организации была далека от современного понимания научной деятельности. Низкий эмпирический уровень, опора науки исключительно на наблюдение, созерцательный характер всех рассуждений, синтез в научных положениях истинного и вымышленного, рационального и мифологического, а также разрозненность познавательных усилий отдельных ученых не дают нам оснований говорить о том, что начальные этапы научной деятельности в обществе представляли собой деятельность социального института, имеющего свою четкую организацию, функции, важную определяющую роль в обществе. Этот процесс оформления науки в социальный институт начался в XVI в. и связан прежде всего с развитием производительных сил общества, оказавших существенное влияние на характер научных исследований. Именно в этот период коренным образом изменится технология получения научных знаний. Наука берет на вооружение эксперимент, который становится ведущим методом научного исследования, радикально расширяет сферу познания действительности и выступает конечным критерием истинности получаемых наукой результатов.

Революционными тогда оказались изменения в области теоретического мышления, т. е. той сферы науки, которую называют ее логическим строем. Эта логика науки была представлена в виде определенной системы методов и приемов в познавательных действиях ученого, которые закономерно приводили его к получению ожидаемого результата. Иначе говоря, в этот период уже выработалась определенная система действий ученого, когда, по словам М. Борна, он «ставит эксперимент, наблюдает регулярность, формулирует это в математических законах, предсказывает новые явления на основе этих законов, объединяет различные эмпирические законы в связанные теории, удовлетворяющие нашу потребность в гармонии и логической красоте, и, наконец, вновь проверяет эти теории посредством научного предвидения»¹². Можно полагать, что на этапе первой научной революции сформировались основные приемы получения знания, такие, как эксперимент, наблюдение, дедукция, индукция, гипотеза, предсказание, верификация теоретических построений, которые выступают в современной науке основными выражением ее технологической составляющей.

Глубокие качественные изменения испытывают в этот период мировоззренческие взгляды ученых. Формируются качественно новые теоретико-методологические основания науки. Человеческий разум терпел тогда очень глубокие революционные преобразования, которые модифицировали сами основы научного миропонимания. Эта революция сопровождалась кардинальными изменениями представлений ученых о мире, созданием новых методологических принципов теоретического познания мира. Основные изменения представлений о структуре мира относились к «разрушению» космоса и геометризации пространства. При этом основными методологическими принципами построения научной картины мира становятся идеи и принципы классической механики Ньютона¹³.

¹² Борн М. Физика в науке моего поколения. М., 1963. С. 190.

¹³ См.: Ишлинский А. Ю. Основные принципы и понятия классической механики — объединяющий центр естественных наук XVIII—XIX веков.— Синтез современного научного знания. М., 1973.

Применение новой технологии и методологии в науке привело к целой серии открытий в астрономии, механике, оптике, математике. В то же время успехи науки обуславливают ее новое положение в обществе. Наука стала превращаться в самостоятельный фактор духовной культуры и начала играть в духовной жизни общества роль высшей культурной ценности. Ученые осознают свою роль в развитии науки, свое место в сложившейся системе общественных отношений. На этой основе создаются особые ценности в сфере научной деятельности. Самостоятельность положения науки приводит к тому, что она радикально перестраивается и в своей организационной структуре. Образуются специальные группы ученых, которые профессионально занимаются научным познанием окружающей действительности; происходит становление академической науки.

Второй этап научных революций относится к периоду от начала XVIII до первой половины XX в., когда в науке происходят существенные изменения по всем выделенным нами критериям научных революций. В первую очередь коренным образом изменяется социальный статус науки. Потребности общественного развития, в частности машинного производства, связанные с промышленной революцией, выдвигают науку на первый план практической деятельности. Развитие материальной культуры общества становится зависимым от результатов научных исследований. Наука превращается в самостоятельный социальный институт.

Изменение социального статуса науки определило ее организационные изменения. Так, если на этапе первой научной революции были заложены основные организационные формы научной деятельности, то вторая революция в науке потребовала коренных изменений ее организационной структуры, которые смогли обеспечить устойчивый характер отношений между учеными, координацию и преемственность самих научных знаний. Новой чертой в организации научной деятельности стала интенсивная институционализация науки, заключавшаяся в выделении особых форм научной деятельности, связанных с объединением профессиональных ученых в организации, осуществляющие управление научной деятельностью. Процесс институционализации представлял собой скачок в развитии организационных форм науки. Научная деятельность при этом выделяется в самостоятельный вид деятельности. «Малая» наука превращается в «большую». Характеризуя в целом организационную структуру науки, можно полагать, что она обладала и обладает следующими чертами: а) направленностью на решение практических задач, б) созданием научных организаций, научный труд в которых становится коллективным, в) развитием каналов обмена научными результатами.

В период второй научной революции изменяется и технологический уровень науки. Изменение способов получения научных знаний прежде всего было связано с разделением труда в науке; дифференциация научной деятельности привела к выделению и обособлению экспериментальной и теоретической деятельности. Образование научных центров, в которых концентрируется интеллектуальная и технологическая мощь науки, также способствовала переходу технологии получения знаний на качественно новый уровень. Наука в этот период характеризуется использованием новых средств и способов получения эмпирического знания о совершенно новых объектах реальности, технизацией и повышением энерговооруженности научного эксперимента, использованием математических методов в естественных науках.

Но наиболее ярко на данном этапе развития науки проявились революционные изменения в области ее теоретико-методологических оснований (конец XIX — начало XX в.). Начало «теоретико-концептуальной» революции было положено открытием закона сохранения энергии, созданием клеточной теории и эволюционного учения Дарвина.

Кризис в естествознании в этот период, связанный со столкновением метафизического мировоззрения и идей диалектики, был окончательно преодолен внедрением в структуру науки идей диалектического материализма, что привело к коренным изменениям основных представлений о мире и его свойствах. Как показал В. И. Ленин, анализируя новейшую революцию в физике на рубеже XIX—XX вв., революционные преобразования в науке затронули такие существенные устои естествознания, как методологические принципы и фундаментальные понятия. Данная революция в методологии науки представляется весьма значительной.

Этап третьей научной революции начался со второй половины XX в. и продолжается по настоящее время. Для современного этапа развития науки характерно качественное изменение ее социальных функций. Наука превращается в непосредственную производительную силу общества. В связи с этим появились и новые уровни связей науки с социальной сферой. Так, превращение научных исследований в органическую часть материального производства порождает ранее не существовавшие в науке экономические отношения, возникают также политические и правовые отношения, которые выражают подчинение науки политическим интересам общества.

Коренным образом изменяется технологический потенциал современной науки. В астрономии, например, это переход на всеволновый диапазон наблюдений, интенсивное внедрение методов вычислительной техники, использование космических аппаратов для получения астрономических данных, широкая технизация экспериментов и т. д.¹⁴

В настоящий период развития науки происходит дальнейшая дифференциация научной деятельности как по предмету исследований, так и по характеру и способам их проведения. Например, помимо чисто экспериментальной и теоретической, в науке выделяется в качестве самостоятельного вида информационная деятельность. Появилась возможность разделять научную деятельность на такие виды, как подготовительная, исполнительская и деятельность, связанная с генерацией новых идей.

Наука сегодня стала обладать развитой материально-технической базой. Огромные материальные ресурсы, вкладываемые в науку, требуют постоянного совершенствования форм организации научной работы, без которых невозможно и повышение уровня ее эффективности и экономичности. Современная организация науки характеризуется такими свойствами, как всеобщая централизация и автономность отдельных подразделений, специализация и комплексность, фундаментальность исследований и ориентация их на применение в технике и производстве, жесткая структурная организация научных коллективов и возможность неформального объединения ученых.

Вопрос о том, происходит ли революция в современной науке на уровне ее общих теоретико-методологических оснований, остается пока открытым. Можно лишь утверждать, что мы стоим на пороге этой революции в области физики, биологии. Возможно, как полагают В. А. Амбарцумян и В. В. Казютинский, эта революция уже началась в современной астрофизике¹⁵.

Таким образом, понимание науки как специфического духовного производства показывает необходимость учета взаимосвязи и взаимодействия совокупности его содержательных сторон при решении проблемы критериев научной революции. Таким критерием выступает комплекс характеристик, связанных с качественными изменениями как самого вида научной деятельности, так и содержания научных знаний, получаемых в результате этой деятельности.

¹⁴ См.: Гинзбург В. Л. О физике и астрофизике. М., 1980.

¹⁵ См.: Амбарцумян В. А., Казютинский В. В. Научные революции и прогресс астрофизики.— Астрономия. Методология. Мировоззрение. М., 1979.

Приведенная модель поэтапного развития науки показывает соотнесенность революционных изменений одних сторон науки с другими. Вместе с тем учет лишь внутренних детерминантов развития науки не может служить достаточным основанием для раскрытия ее закономерностей.

Возникновение каждого этапа революционных преобразований в науке непосредственно детерминируется развитием материального производства в обществе, его производительных сил. Так было на ранних стадиях первых научных революций, связанных с появлением новой технологии науки. Такая взаимозависимость наблюдалась и в XVIII—XIX вв., когда наука стала оказывать существенное влияние на развитие производства. Экономические запросы общества, в свою очередь, дали мощный импульс для роста научного знания посредством изменения социальной функции науки, ее организационной структуры, применения новой технологии познания и выхода на новый теоретико-методологический уровень. Развитие производительных сил общества оказало решающее влияние на развитие современной науки. Ярким свидетельством тому служит научно-техническая революция, коренным образом изменившая многие естественные науки.

Таким образом, на каждом этапе научного развития инициатором ее внутренних преобразований выступает внешний фактор — развитие материального производства в обществе. Как отмечал Ф. Энгельс, современное ему опытное естествознание родилось в обстановке «всеобщей революции». Революционные изменения в системе производительных сил общества и оказывают в конечном счете основное влияние на развитие науки. Иначе говоря, они выполняют роль пусковой причинности для развития науки как системы взаимосвязанных между собой компонентов.

Действительно, на первом этапе революций в науке революционные изменения в технологии, вызванные развитием производительных сил общества, привели к изменению в сфере социальных, организационных, ценностных и, в какой-то степени, теоретико-методологических компонентов науки. На втором и третьем этапах новая социальная функция науки, вызванная развитием производства, повлекла за собой революционные изменения на уровне технологии, методологии, организации науки и ее ценностных ориентиров.

Итак, в первоначальной, огрубленной модели развития науки следует учитывать взаимодействие таких двух систем, как система материального производства и система науки, причем первая является определяющей. Наука в данном представлении выступает как образование, различные компоненты которого находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности друг с другом. Сам механизм революционных переходов в науке выглядит следующим образом: выход науки на новый технологический уровень порождает проблемы, связанные с переходом к качественно новой методологии, а новая концептуальная позиция науки приводит к созданию научных систем с высоким уровнем объяснительного и предсказательного потенциала, что непосредственно влияет на изменение социального и организационного компонентов науки. Изменения взаимосвязи науки и общества в целом вызывают и изменения в ценностных ориентирах ученого.

Таким образом, развитие науки осуществляется в результате взаимодействия системы материального производства и системы науки. Данное взаимодействие осуществляется посредством разнообразия связей. Так, материальное производство испытывает влияние со стороны науки опосредованно: со стороны социальных функций науки и уровня развития ее технологии. Ценностный же компонент науки испытывает непосредственное влияние всех остальных составляющих науку компонентов, а также составляющих сферы материального производства. Однако формирование ценностей науки происходит не только под действием внутринаучных факторов и сферы материальной

культуры. На этот процесс оказывает влияние духовная культура в целом. И это требует расширения сферы анализа детерминантов развития науки.

В рассмотренной модели революционных переходов в развитии науки есть звено, занимающее особое место. Это звено, выражающее связь между революционными изменениями технологического, социального, организационного и ценностного компонентов науки, с одной стороны, и ее теоретико-методологической составляющей,— с другой.

Исследование истории науки свидетельствует о том, что революционные переходы на методологическом уровне сопутствуют изменениям всех остальных существенных компонентов науки, но вместе с тем провести прямую связь между изменениями методологии науки и развитием материального производства, а также развитием всей системы компонентов науки весьма затруднительно. Дело в том, что эта связь носит опосредованный характер. Опосредующим звеном здесь выступает духовная культура общества в целом, в частности такие ее существенные компоненты, как мировоззрение и философия. Именно мировоззренческие и философские установки способны играть решающую роль в формировании качественно новых теоретико-методологических положений в науке. Они выступают теми методологическими ориентирами, без которых невозможен прогресс науки. Безусловно, не всякое мировоззрение и философия способны выполнять такие регулятивные функции в науке, а лишь те, которые адекватно отображают окружающий человека мир. Таким мировоззрением и философией являются научное мировоззрение и марксистско-ленинская философия.

Рассмотренные закономерности развития науки на этапе ее революционных преобразований могут быть использованы для анализа современных проблем науки, в частности проблематики перспектив и направлений ее дальнейшего развития, значение которого для решения актуальных проблем ускорения социально-экономического развития советского общества с новой силой подчеркнуто в программных документах КПСС к XXVII съезду партии.

В. Г. Черник

ИЛМИЙ РЕВОЛЮЦИЯЛАРИ ВА ФАН ТАРАҚҚИЕТИ

Умумий назарий асосда ёзилган бу мақолада илмий революция проблемалари — унинг жаҳон фанларининг олға қараб ривожланишидаги роли, қонунийлиги ва босқичлари ёритилади.

Ш. К. САТПАЕВА

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Юбилей выдающихся исторических личностей — это и праздники, и дань уважения их памяти, и подведение итогов изучения их вклада в развитие науки и культуры, и определение научных направлений дальнейшего углубленного изучения их творческого наследия.

Известно, что Средняя Азия и Казахстан — очаги древней науки и культуры, родина известных всему миру великих ученых — Хорезми, Фараби, Беруни, Ибн Сины, Махмуда Кашгари и многих других. Но в прошлом было время, когда их драгоценные творения оставались неизвестными, и народы Средней Азии и Казахстана надолго оказались оторванными от своих культурных традиций. Об этом сто с лишним лет назад с горечью и болью писал Ч. Ч. Валиханов: «В Мавераннагре, в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока..., теперь господствует невежество и бедность... Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы, Хивы, Бухары и проч., обсерватория в Самаркан-

де безвозвратно погибли под беспощадной рукой вандализма бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного... Среднеазиатские владельцы теперь не пишут стихов и мемуаров, не составляют астрономических таблиц, как это делали их предки, зато они каждый день торжественной процессией ходят в мечеть и там смиренно беседуют с муллами, а по возвращении домой забавляются пажами или идут на арену и смотрят, как два свирепо дрессированные барана бьются лбами»¹.

Только Великий Октябрь, открывший новую эру в истории человечества, позволил возродить многовековую культуру народов нашей страны. Только в советское время по-настоящему проявился интерес к именам наших гениальных предков, изучению и переводу их научных трудов, и бесценное наследие их стало достоянием не только одного народа или региона, но и всех народов СССР. Так в когорту замечательных ученых и мыслителей нашего прошлого по праву встал и выдающийся казахский ученый и мыслитель, просветитель-демократ Чокан Чингисович Валиханов. В результате огромной, напряженной работы ученых разных специальностей: естествоиспытателей, историков, этнографов, филологов — творческий образ Ч. Ч. Валиханова начинает раскрываться во всей своей полноте².

Значение Ч. Ч. Валиханова для отечественной науки поистине огромно. Еще известный русский ученый Н. И. Веселовский писал: «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения Чокан Чингисович Валиханов; русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина лишила нас этих надежд»³.

Прожив всего 30 лет, Ч. Ч. Валиханов оставил потомкам обширное научное наследие. И сама жизнь этой удивительной личности вызывает изумление. В 50—60-е годы XIX в. уроженец одного из самых живописных мест Северного Казахстана, Кокчетавского округа, Чокан (полное имя Мухаммед-Ханафия, а Чокан — прозвище, данное матерью) Чингисович Валиханов, охваченный светлым порывом к знаниям, в чрезвычайно короткий срок достиг вершин мировой культуры, сделал крупные открытия, разрешил важные научные проблемы, заложил основы ряда естественных и общественных наук на родной казахской земле.

Жизнь и деятельность Ч. Ч. Валиханова проходили в той исторической общественно-политической обстановке, когда казахский народ в своих неустанных многовековых поисках путей самоопределения и развития накопил большую творческую силу и опыт, нуждавшиеся в ярких проявлениях. В лице Ч. Ч. Валиханова казахский народ показал, что он способен выдвигать выдающихся ученых, мыслителей, раскрыл лучшие черты своего национального характера — упорство в труде, тягу к знаниям, гуманистические устремления и самоотверженный патриотизм.

Ч. Ч. Валиханов горячо верил в родной народ, был связан с его лучшими чаяниями и мыслями, стремлениями и надеждами. Любовь к родной земле, глубокая связь с народом позволяли Ч. Ч. Валиханову

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 393.

² См.: История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Т. III. Алма-Ата, 1979; Маргулан А. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова.— Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. I; История казахской литературы. В 3 томах. Т. 2. Алма-Ата, 1979; Бейсембиев К. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX в. Алма-Ата, 1957; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Зиманов С. З., Атишев А. А. Политические взгляды Чокана Валиханова. Алма-Ата, 1965; Кабдиев Д. К. Социально-экономические воззрения казахских просветителей-демократов. Алма-Ата, 1966; Сегизбаев О. А. Мировоззрение Чокана Валиханова. Алма-Ата, 1959, и др.

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. IV. Алма-Ата, 1968. С. 500.

ву видеть его потенциальные силы и возможности идти по пути прогресса. Он страстно верил в лучшее будущее казахского народа.

Ч. Ч. Валиханов проявил себя выдающимся мыслителем, просветителем, демократом, разносторонним ученым-энциклопедистом. Он — географ и путешественник, историк и этнограф, археолог и востоковед, филолог и публицист.

Отец Ч. Ч. Валиханова был образованным человеком, имел связи с представителями русской интеллигенции. Первоначальное образование Чокан получил в аульной школе, где научился писать и читать по-арабски, изучал восточные языки. Юный Чокан находился в окружении народных певцов, сказителей. Он не только с увлечением вслушивался в их рассказы и песни, но и вместе с отцом записывал казахские песни и легенды, и в нем рано пробудился интерес к поэзии, историческим преданиям своего народа.

В 1847 г. 12-летнего Чокана привезли в Омск и устроили в кадетский корпус, считавшийся в то время одним из лучших учебных заведений Сибири. Здесь он проявил особые способности в изучении истории, географии, восточной филологии, увлекся поэзией Востока. Как вспоминают его друзья, любовь к восточной поэзии он сохранил на всю жизнь. «Чокан был человеком с поэтической душой и восточным воображением,— писал Н. М. Ядринцев.— Он любил арабские стихи и вместе с учителем своим Костылецким приходил в восторг от них»⁴. Со страстью читал он социальные романы, научную и философскую литературу, труды историков Востока, произведения Белинского, Герцена, Пушкина, Лермонтова, Шекспира, Гейне, Диккенса, Теккерея и др.

Интерес к изучению родного края и стран Востока возник у Валиханова еще в стенах кадетского корпуса. «Развивался Чокан быстро,— вспоминал его школьный товарищ и друг Г. Н. Потанин,— опережая своих русских товарищей, ...им интересовались многие. Чокану было только 14—15 лет, когда преподаватели корпуса на него смотрели, как на будущего исследователя и, может быть, ученого. Сам Чокан мечтал о путешествии по Средней Азии... Мечта уносила Валиханова в загадочную даль, в закиргизские страны, к подошве Тянь-Шаня, в Тибет... Он еще на школьной скамье готовился к роли путешественника»⁵. Потанин отмечал, что Валиханов шел далеко впереди своих товарищей, особенно в области политических идей и литературных новостей.

Первые его научные труды относятся к последнему году учебы в Омске. Это — «Письмо профессору И. Н. Березину», «Заметки при чтении книги профессора И. Н. Березина «Ханские ярлыки», «Извлечения из «Жамиг-ат-Таварих» Джалаири». Впервые он перевел на русский язык основные главы этой книги, комментировал и приобщил к переводу обширные выписки из «Шейбани-наме», «Шеджран Тюрк» Абдулгази по изданию И. Н. Березина. На основе этих источников несколько позднее он составил важный в теоретическом отношении труд «Киргизское [казахское] родословие».

После окончания кадетского корпуса в 1853 г. (в чине корнета) начинается кипучая деятельность молодого Ч. Ч. Валиханова. Он принимает участие в составлении проекта и разработке принципов управления казахами Большого жуза и Алатауского округа, совершает путешествие по Семиречью, Тарбагатаю и Центральному Казахстану. Посетив Заилийский Алатау, он вместе с другими осматривал закладку г. Верного (Алма-Ата), путешествовал по Ала-Кулю. Результаты этой поездки отражены в его дневнике и трудах.

Широкое поле научной деятельности открылось для Валиханова, когда он в составе Заилийской экспедиции Хоментовского путешест-

⁴ Там же. С. 574.

⁵ Там же. С. 310, 313.

вовал по Иссык-Кулю и Тянь-Шаню и занимался географией, историей, этнографией, поэзией ряда восточных народов. Научными результатами первых путешествий молодого Валиханова явились его замечательные труды «Дневник поездки на озеро Иссык-Куль», очерки «Исторические легенды и предания казахов Большой Орды», «Записки о киргизах», открытие знаменитой поэмы киргизского народа «Манас», первая научная запись и частичный перевод на русский язык наиболее интересного его раздела «Смерть Кукетай-хана и его поминки», где содержится много историко-географических, хозяйственных, бытовых и юридических сведений из древней истории киргизского народа.

Примечательно, что все эти труды написаны Валихановым в возрасте 21 года. Уже в них он обнаруживает наблюдательный и аналитический ум, глубокую эрудицию ученого, прекрасно знающего географию Тянь-Шаня и Семиречья, историю народов, населявших эти края в древние времена. Материалы, собранные им во время путешествий по Казахстану и Киргизии, имели большую научную ценность. Географические и исторические исследования Валиханова получили высокую оценку ученых Петербурга. 27 февраля 1857 г. его избрали действительным членом Русского географического общества.

Подлинным научным подвигом Ч. Ч. Валиханова стало его путешествие в Кашгарию в 1858—1859 гг., сопряженное с большими трудностями и опасностями. Ч. Ч. Валиханов по праву заслужил всемирную известность отважного путешественника и неутомимого исследователя, ученого-первооткрывателя Кашгарии. Как известно, после знаменитого Марко Поло и иезуита Гюэса (XVI в.) Восточный Туркестан не посещал ни один ученый, и он долго оставался закрытым для европейской науки. Известный географ Адольф Шлагинтвейт, проникший в Кашгар годом раньше Валиханова, был обезглавлен властителем этой страны. Чокан знал об этом. Он видел на городской площади башню из человеческих голов, и жители Кашгара говорили, что в их числе находится также голова Шлагинтвейта...

В Кашгаре Ч. Ч. Валиханов ознакомился с его политическим и экономическим устройством, собрал материалы по истории и этнографии народов, населявших эту страну с древнейших времен, приобрел ряд уникальных восточных рукописей, составил нумизматическую коллекцию, гербарий, коллекцию горных пород, собрал также разные реликвии: древние грамоты, образцы прикладного и народного декоративного искусства и т. д. Среди обширных материалов, привезенных из Восточного Туркестана, значительное место заняли его карандашные зарисовки, воспроизводящие типы жителей Кашгарии и их занятия. В отчете Географического общества об этом путешествии сказано, что оно представляет собой «замечательный географический подвиг со времени Марко Поло».

Одним из главных результатов поездки Ч. Ч. Валиханова в Кашгар явился его капитальный труд «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)», ставший крупным вкладом в отечественную и мировую науку и не утративший своего значения поныне. Ученые и писатели высоко оценили труд Валиханова, считая его подлинным географическим открытием.

Наиболее яркую страницу биографии Ч. Ч. Валиханова представляет петербургский период его жизни, когда с особой силой проявились его незаурядный талант, обширные знания и кипучая энергия. В Петербурге он работал в нескольких учреждениях: Военно-ученом комитете Генерального штаба, Азиатском департаменте, Географическом обществе. По поручению Военно-ученого комитета Ч. Ч. Валиханов составлял карты Средней и Центральной Азии. Под его редакцией были подготовлены «Карты пространства между озером Балхаш и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края», «Карта к отчету о результатах экспедиции к оз. Иссык-Куль» и др. В Географическом обществе он составлял материалы по геогра-

фии и этнографии Казахстана и Средней Азии, читал лекции о Восточном Туркестане, Тянь-Шане и Киргизии, написал много трудов.

Ч. Ч. Валиханов установил тесные связи с известными русскими учеными — А. Н. Бекетовым, Е. П. Ковалевским, В. В. Григорьевым, В. В. Емельяновым-Зерновым и др. Он часто бывал у Ф. М. Достоевского, познакомился с его семьей, братом М. М. Достоевским, с поэтами А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, критиком Н. Н. Страховым и т. д.

Тесно общаясь с русскими учеными и писателями, Ч. Ч. Валиханов возбуждал их интерес к изучению истории народов Казахстана, Средней Азии, Востока в целом. Он давал некоторым поэтам темы для произведений на восточные сюжеты. Под впечатлением бесед с Валихановым впоследствии возникли стихи «В степях», «Алтайские ледники» и поэма «Емшан» А. Н. Майкова. Весной 1861 г. тяжелая болезнь заставила Ч. Ч. Валиханова оставить Петербург...

Ч. Ч. Валиханов создал множество ценнейших трудов в области географии, флоры и фауны тогда еще мало известной части Азии. Описание Казахстана, его территории, природы, почвы, населения, флоры и фауны Ч. Ч. Валиханов дает в трудах «Географический очерк Заилийского края», «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Заметки о картах Азии», «Маршруты, собранные мной во время путешествия в Кашгар», «Об оросительных каналах в Семиреченском крае», «Об управлении казахами Большого жуза», «Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ», «Очерки Джунгарии», «Путевые заметки», «Путешественники, бывшие в Средней Азии в средние века, и их реляции». «Записка о судебной реформе», «Заметки по истории южносибирских племен», «Записки о Кокандском ханстве», «Пути сообщения», «Дополнение к географическому обзору» и др.

История казахского народа, родоплеменной состав казахских жузов, исторические сведения об отдельных племенах и родах, ареале их расселения, условия и время образования казахской народности, этимология термина «казах», вопросы этногенеза казахского народа, сведения о первых казахских ханах, их генеалогии, данные из истории переселений казахов в XVII—XVIII вв., внутренняя и внешняя политика казахских ханов, краткие сведения о «Сборнике летописей» Кадыргали Джалаири, времени и условиях его написания, о «Шейбанинаме», отношение ко всем сведениям о казахах в трудах восточных историков и русских ученых — все это содержится в трудах Ч. Ч. Валиханова по истории: «Казахское родословие», «Генеалогические таблицы казахских ханов и султанов», «Аблай», «Письмо к проф. И. Н. Березину», «Заметки при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки», «Из «Тарихи-Рашиди», «Исторические предания о богатырях XVIII века», «О Баянаульском округе» и др.

Характеристика кочевой скотоводческой системы хозяйствования, условия его развития и причины упадка, административное устройство и управление, особенности территорий, природные богатства казахской степи, подробные сведения о каждом из ее округов и населении, земледелие, торговля, взаимоотношения казахов с соседними народами и многие другие вопросы затрагиваются в трудах Ч. Ч. Валиханова по истории Казахстана.

Большое внимание уделял он изучению археологических памятников Казахстана. В трудах «Географический очерк Заилийского края», «Древности», «Нужно осмотреть», «Могила Джубан-она», «Общая история» и других есть сведения о развалинах г. Акр-Таш, могиле Манаса на Кен-Коле, развалинах круглой башни (Бурона) и г. Декелек-Уясы на Аксу, развалинах городка в верховьях Талгара и крепости в долине Чилик, Тамгалы-яр, интересное описание различных форм древних надгробных памятников, каменных изваяний, в том числе могил Едиге, Козы-Корпеш, Камыр-хана, Алач-хана, Доибаул-аулке, хана

Абулхаира, Джубан-она; упоминается также о старых рудниках и развалинах древних укреплений, курганах и древних караванных путях.

Этнография постоянно входила в круг научных интересов Ч. Ч. Валиханова. В его трудах «Вооружение киргиз в древние времена и военные доспехи», «О кочевках киргиз», «Географический очерк Заилийского края», «Дневник поездки на озеро Иссык-Куль» и других описываются: устройство, изготовление и виды оружия казахов, устройство различных видов юрт, их составных частей, домашняя утварь и убранство, одежда, обычаи и нравы, народная медицина и др. Ч. Ч. Валиханов был искусным художником, и многие этнографические описания иллюстрированы его рисунками. Его этнографическое наследие и рисунки имеют большую познавательную ценность для изучения истории и этнографии народов Средней Азии и Казахстана.

Духовная культура казахского народа, отражение его истории в духовной жизни, миропонимание, представления о Вселенной, о природе, о растительном и животном мире в народных преданиях, поверьях, обычаях, нравах и литературе, распространение ислама на территории Казахстана и реакционная роль мусульманской религии в развитии культуры казахского и других народов, взгляды ученого о буддизме, зороастризме, шаманизме, христианстве, о политических устройствах, о древнейших путях развития родного народа отражены во многих трудах Ч. Ч. Валиханова, как «Тенкри», «Следы шаманства у киргизов», «О мусульманстве в степи», «Очерки Джунгарии», «Записка о судебной реформе» и т. д.

Замечательны и его труды по филологии. Характерно, что именно Ч. Ч. Валиханов первым из восточных ученых употребляет термин «филология» и в значении ее взаимосвязанности с другими науками и исследовании духовной культуры того или иного народа, выраженной в его национальном языке и литературном творчестве.

Ч. Ч. Валиханов предстает перед нами как прекрасный знаток литературы Запада и Востока, русской литературы, фольклора и литературы многих народов, особенно казахского, киргизского, каракалпакского, узбекского, туркменского, уйгурского, бурятского, якутского, что давало ему возможность подвергать их сравнительному анализу и делать ценные научные обобщения. В центре внимания Ч. Ч. Валиханова была литература Востока, особенно казахская, киргизская и соседних народов, но в часто применяемых им аналогиях, параллелях и т. п. обнаруживается глубокое знание западной и восточной литератур. Ч. Ч. Валиханов знал французский, немецкий и ряд языков восточных народов. Перевод произведений фольклора и письменной литературы, составление ряда словарей, всевозможные комментарии и примечания, ономастика, топонимика, точное применение всех литературных стихотворных терминов, изучение литературоведческих и лингвистических трудов предшественников и полемика с некоторыми авторами, последовательное и аргументированное высказывание своих суждений и взглядов, обобщения и т. д.— все это есть в трудах Ч. Ч. Валиханова.

Казахский фольклор и древняя письменная поэзия были впервые подвергнуты изучению Ч. Ч. Валихановым. Он первый раскрыл глубокое историческое и культурное значение монументальных образцов народного творчества казахов, подвергая их всестороннему анализу и выдвигая ценные положения. Прежде всего надо отметить, что Ч. Ч. Валиханов рассматривал казахскую литературу как неотъемлемую часть духовной культуры казахского народа и особо подчеркивал ее историзм. Он писал: «Нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминание о котором не осталось бы в народной памяти. Один воспет импровизатором, имя другого обессмертил в памяти предков какой-нибудь бессмертный знаменитый музыкант — чебизгичи или

кобузчи». Далее он писал: «В историческом отношении поэтический дух народа замечателен: первое, потому, что через удивительную память импровизаторов все древние поэмы, воспевающие подвиги героев, многие из них, по древности языка, по многим словам, непонятным для нового поколения, и по историческим известиям о своих героях, принадлежащие ко времени Золотой Орды, сохранились до нас без искажения; второе, что импровизаторы, жившие в разные времена, обессмертили в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи так, что все они в совокупности составляют нечто целое; третье, все эти поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками и с их кодексом прав народных, составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения. Изумительно, с какою свежестью сохранили киргизы (казахи.— Ш. С.) свои древние предания и поверия. И еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги передаются одинаково и при сличении были буквально тождественны, как списки одной рукописи. Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников кочевой, безграмотной орды, тем не менее это действительный факт, не подлежащий сомнению»⁶.

Ч. Ч. Валиханов исследовал собранный им казахский фольклор и в целом, и в отдельных образцах. Он изучал казахские эпические произведения «Едыге», «Козы Корпеш Баян-Сулу», «Ер Косой», «Ер Кокше и Орак-батыр», эпосы ногайлинского цикла, устную казахскую поэзию, определил силлабический характер казахских стихов, перевел ряд образцов фольклора казахского народа на русский язык, выявил сходство мотивов некоторых его произведений с мотивами европейского фольклора. Интересны высказывания Ч. Ч. Валиханова о представителях казахской письменной поэзии — Асане Кайгы (Асане Горемычном) — «философе кочевников», о Бухар-жырау, его окружении, о Татикара-жырау, Шале, Жанаке, Шоже, Орынбае и др. Впервые им были осуществлены запись, оценка, перевод отдельных частей и исследование знаменитого киргизского эпоса «Манас». Так он вывел творчество казахского и киргизского народов на арену мировой науки. Он высоко ценил и бессмертное наследие великих представителей литературы Востока — Джамии, Навои, Хафиза, Бедия и др.

Одна из важнейших граней жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова — тесная связь его с русской и западноевропейской культурой и литературой, проявлявшаяся во многих аспектах. Это, в частности: изучение Валихановым русской и западноевропейской литературы; дружба с деятелями русской литературы и культуры; обращение к русским летописям как к источнику исторических сведений и фактов; изучение русской фольклористики 50—60-х годов XIX в.; отражение в его трудах явлений и фактов русской и западноевропейской литературы XVIII — первой половины XIX в. и многое другое. Свободно ориентируясь почти во всех этапах и эпохах развития русской и западноевропейской литератур, Ч. Ч. Валиханов мастерски применял некоторые их образцы для раскрытия сути и содержания отдельных явлений и событий исторической и современной ему действительности, для своих научных целей и задач.

Так Ч. Ч. Валихановым была заложена основа филологической науки в Казахстане и развития последующих плодотворных традиций культурных и литературных взаимоотношений казахского народа с народами Востока и Запада.

Ч. Ч. Валиханов был и собирателем казахского музыкального фольклора. В его трудах есть немало сведений об истории, особенностях, значении народной музыки, о музыкальных инструментах, их уст-

⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. I. С. 391.

ройте; он писал о музыкальных инструментах не только казахского, но и киргизского, уйгурского, бурятского, китайского и других народов.

Особого внимания заслуживает творчество Ч. Ч. Валиханова как художника⁷.

Ч. Ч. Валиханов был не только выдающимся ученым-востоковедом, но и прогрессивным, демократическим деятелем. Его прогрессивные, демократические взгляды в области политической и социальной нашли отражение в таких исследованиях, как «Очерки Джунгарии», «Записка о судебной реформе», «О мусульманстве в степи», «Следы шаманства у киргизов». В статьях и переписке эти воззрения Валиханова выражаются в горячей защите просвещения, самоуправления и свободы, в его вражде к средневековью, к религии, ко всему реакционному в экономической, социальной, юридической областях. «...Самым важным и близким для народа,— писал Ч. Ч. Валиханов,— считаются реформы экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа... Каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс.

С этой точки зрения, полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели»⁸. Прогрессивные, демократические идеи Ч. Ч. Валиханова, его глубокий патриотизм, страстная вера в светлое будущее родного народа, его бессмертный научный подвиг близки и дороги советским людям. Имя его пользуется всеобщим почетом и уважением. Его носят Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР и Кокчетавский педагогический институт, улицы в Алма-Ате, Кокчетаве, Кустанае, широкоформатный кинотеатр в Джамбуле и семипалатинская восьмилетняя школа-интернат № 12 Казахской железной дороги. Ему сооружены памятники в Алма-Ате, Кокчетаве, на могиле Ч. Ч. Валиханова в Гвардейском районе Талды-Курганской области КазССР. Учреждены стипендия лучшим студентам и премия имени Ч. Ч. Валиханова за лучшие исследования в области гуманитарных наук. Идет восстановление фамильной усадьбы Валихановых Сарымбет в Кокчетавской области. Переиздано собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова в пяти томах. В канун 150-летия со дня его рождения для посетителей открылся Государственный мемориальный музей «Алтын-Эмель» в Кербулакском районе Талды-Курганской области. Проведены научно-теоретические конференции и сессии, посвященные юбилею Чокана Валиханова.

Бессмертное наследие выдающегося сына казахского народа стало достоянием всех народов нашей необъятной Родины, каждый из которых вносит свой вклад в общую сокровищницу многонациональной социалистической культуры СССР.

Ш. К. Сатпаева

Ч. Ч. ВАЛИХОНОВНИНГ ИЛМИЙ МЕРОСИ ВА УНИНГ ҚОЗОҚ ХАЛҚИ МАДАНИЯТИДА ТУТГАН ҰРНИ

Мақола туғилган кунининг 150 йиллиги нишонланган улуғ қозоқ олими, мутафаккири, мағрифатпарвар-демократи Чўқон Валиханов ижодига бағишланган. Унда муаллиф Чўқон Валихановнинг кўзга кўринган илмий мероси ва бу мероснинг қозоқ халқи маданиятини ривожлантиришда тутган ўрнини батафсил баён этади.

⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. V. Графическое наследие. Алма-Ата, 1972.

⁸ Там же. Т. I. С. 495.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УЧАСТИЕ УзССР и ТаджССР В НАУЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СССР С ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ АФГАНИСТАН

После победы в Афганистане Апрельской революции 1978 г. сотрудничество между СССР и ДРА поднялось на качественно новую ступень. Широкий размах получили и научные связи между нашими странами. Уже в июле 1978 г. по приглашению и инициативе Афганской Академии¹ была сформирована делегация АН СССР для обсуждения вопросов советско-афганского сотрудничества, в основном связанных с организацией АН ДРА.

6 августа 1978 г. был издан Декрет о создании Академии наук ДРА. В это же время были определены основные направления совместных советско-афганских исследований в области биологических, геологических, химических и общественных наук².

Создание АН ДРА открыло новые перспективы в развитии советско-афганского сотрудничества в области науки. Активное участие в нем принимают ученые республик Советской Средней Азии, в частности Академии наук Узбекской и Таджикской ССР.

Научные связи Академий наук Узбекистана и Таджикистана с Академией наук Демократической Республики Афганистан носят многообразный характер. Это — совместная разработка актуальных проблем комплексного характера, участие в научных конференциях, обмен научными делегациями и визитами отдельных ученых, выступления узбекских и таджикских ученых с лекциями, докладами, публикациями на страницах научных и общественно-политических периодических изданий, стажировка афганских ученых, аспирантов и студентов в институтах АН УзССР и ТаджССР, научные командировки советских ученых в ДРА, обмен научной литературой, информацией о проводимых исследованиях и др.

В первые же месяцы после победы Апрельской революции коллектив ученых из Москвы и Узбекистана издал сборник статей по вопросам экономики, истории, этнографии, литературы, источниковедения и лингвистики Афганистана³.

Политические, экономические и культурные связи между Советским Союзом и Афганистаном, охватывающие период первого этапа Апрельской революции (апрель 1978 — декабрь 1979 г.), освещены в книге Р. Т. Рашидова⁴. Вопросы женского движения в Афганистане получили свое отражение в брошюре М. Ю. Юнусходжаевой⁵. Важным вопросом развития афганистики в Узбекистане и вклада республики в советско-афганские научные и культурные связи посвящена статья группы узбекских востоковедов⁶, а актуальным проблемам истории, экономики, политической и культурной жизни Афганистана как до революции, так и после образования ДРА — коллективный сборник, включающий и работы авторов из Узбекистана⁷.

Труды советских афганистов вызывают широкий интерес у ученых и общественности Афганистана. Часть исследований советских ученых переводятся там на пушту, дари, английский язык и публикуются на страницах афганских периодических изданий.

Среди изданных в Афганистане за последнее время трудов ученых Института востоковедения АН УзССР отметим, в частности работу М. Г. Пикулина «Белуджи», опубликованную на пушту в № 1—4 за 1981 г. журнала «Ариана» (орган научно-исследовательского центра по общественным наукам при АН ДРА). Были изданы также работы: М. А. Бабаходжаева — «Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII — начале XX в.» (ж. «Афганистан». 1969. № 1), А. Усманова — «Племя хаттаков» (там же), Т. Г. Абаевой и А. Г. Ганиева — «Хуш-

¹ Пашто Толэна — так называлось Афганское научное общество до создания АН ДРА.

² Текущий архив АН ТаджССР. Материалы за 1978—1980 гг.

³ Афганистан (Вопросы истории, экономики и филологии). Ташкент, 1978.

⁴ Рашидов Р. Т. СССР — Афганистан. 70-е годы. Ташкент, 1981.

⁵ Юнусходжаева М. Ю. Афғонистон хотин-қизлари. Тошкент, 1980.

⁶ Абаева Т. Г., Тохтаходжаева И. Ю., Юнусходжаева М. Ю. Афганистика в Узбекистане и вклад республики в советско-афганские научные и культурные связи. — Советский Узбекистан и зарубежный Восток. Ташкент, 1984.

⁷ Афганистан. Экономика. Политика. История. М., 1984.

халь-хан Хаттак» (ж. «Жвандун». 1974. № 23—25), А. Усманова — «Народный фольклор узбеков Афганистана» (1980, на дари и пушту) и «Литературная школа Хуш-халь-хан Хаттака» (1983, на пушту)⁸, «Мост дружбы» (1983, на дари. Предисловие написано известной политической и общественной деятельницей ДРА А. Ратебзад), ряд работ Ю. Н. Абдуллаева, в частности его брошюра «Социальная политика НДПА» (Кабул, 1982, на дари, в соавт.), статья «Научная революционная теория — основа успешной деятельности НДПА» в книге «Политическая учеба молодежи» (Кабул, 1982, на дари)⁹.

В 1985 г. Издательством «Фан» УзССР выпущен сборник статей «Ирригация в странах Ближнего и Среднего Востока», куда вошла и работа М. Г. Пикулина и М. Н. Нишанова «Ирригация в Афганистане». Отметим также книгу А. Г. Ганиева «Очерки по глагольной фразеологии литературного пушту»¹⁰.

Плодотворные контакты существуют и между археологами Узбекистана и Афганистана. Еще в 1959 г. акад. АН УзССР Г. А. Пугаченкова с группой советских ученых впервые побывала в Афганистане. С 1969 г. в Северном Афганистане регулярно работает совместная советско-афганская археологическая экспедиция, в состав которой входят и сотрудники Института искусствознания им. Хамзы. Один из постоянных участников экспедиции, научный сотрудник Института З. А. Хакимов в 1978 г. был участником выдающейся археологической находки — царского погребения I в. н. э., где хранилось более 20 тыс. золотых украшений. Эти ценнейшие предметы кушанской эпохи стали объектом национальной гордости афганского народа¹¹.

Ученые Узбекистана все шире разрабатывают проблемы, связанные с историей Афганистана прошлых столетий и особенно с борьбой НДПА, правительства ДРА, афганского народа против врагов Апрельской революции на современном этапе.

Историко-социологическому исследованию некоторых тенденций в развитии культур Афганистана и других стран Среднего и Ближнего Востока с конца XIX в. до второй мировой войны посвящена книга И. Ергешова¹².

На восточном факультете ТашГУ им. В. И. Ленина, где наряду с кадрами по другим странам, готовятся специалисты по истории, языку и литературе Афганистана, профессорско-преподавательский состав также ведет большую научно-исследовательскую работу по различным проблемам Афганистана.

18 декабря 1982 г. в Москве было подписано соглашение между Академиями наук СССР и ДРА. Такое же сотрудничество осуществляется между Институтом по подготовке педагогических кадров АН ДРА и ТашГПИ им. Низами. В мае 1981 г. в Кабуле ими было подписано Соглашение о научном сотрудничестве, предусматривающее обмен научными работами в области педагогики, литературой, опытом подготовки научно-педагогических кадров. Выступивший при подписании Соглашения представитель ДРА М. Якуби выразил глубокую благодарность Советскому Союзу за бескорыстную помощь Афганистану в развитии системы образования¹³.

Директор Института искусствознания им. Хамзы, проф. Х. Абдусаматов отмечал: «Все более расширяются у нас контакты с представителями молодой науки ДРА, ...которые принимают участие в различных симпозиумах, конференциях, встречах, проводимых в Ташкенте и других городах республики»¹⁴.

Участники многих научных конференций, касаясь различных аспектов истории стран зарубежного Востока, как правило, затрагивают и вопросы истории Афганистана. Так, на заседаниях Второй всесоюзной конференции востоковедов (25—28 мая 1983 г.) ряд докладов были посвящены внутренним и внешним проблемам Апрельской революции в Афганистане¹⁵.

Многогранны научные связи АН ТаджССР с АН ДРА. Первая группа ученых АН ДРА посетила Таджикистан в 1981 г. Они прибыли для проведения исследований и получения консультаций в области зоологии, паразитологии, геологии, сейсмологии, востоковедения, истории, языка и литературы.

В ходе стажировки в Институте зоологии и паразитологии АН ТаджССР научный сотрудник департамента зоологии Института естественных наук АН ДРА Мухаммад Орифи Ядгарии составил программу научно-исследовательских работ по изу-

⁸ Каримов Б. Труды ученых Института востоковедения АН УзССР, опубликованные в Афганистане. — Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 5. С. 61—62.

⁹ Каримов Б., Мендельсон Е. Афганистика в трудах ученых ИВ АН УзССР 60—80-х годов. — Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 12. С. 48, 51. Достаточно полную библиографию изучения Афганистана в Узбекистане см.: Пикулин М. Г., Соколов А. Я. Изучение Афганистана в Узбекистане. — Афганистан. Экономика. Политика. История. М., 1984. С. 126—146.

¹⁰ Ганиев А. Г. Очерки по глагольной фразеологии литературного пушту (В свете современной теории устойчивых словосочетаний). Ташкент, 1985.

¹¹ Правда Востока. 1981. 19 июля.

¹² Ергешов И. Проблемы культурного развития стран Ближнего и Среднего Востока в первой половине XX века. Ташкент, 1977.

¹³ Правда Востока. 1981. 22 мая.

¹⁴ Вечерний Ташкент. 1985. 18 февр.

¹⁵ Азарх А. Э., Биргауз Е. А., Медведев Е. М., Солнцев В. М. Вторая всесоюзная конференция востоковедов. — Народы Азии и Африки. 1983. № 6. С. 121—127.

чению фауны и экологии диких парнокопытных животных Афганистана; стажер-исследователь А. Хафиз проработал коллекционный материал по ряду групп беспозвоночных животных и т. д.

Район Афганистана относится к активной сейсмической зоне, и ученые ДРА уделяют проблеме сейсмологии особое внимание. И в этом неоценимую помощь им оказывают ученые Таджикистана. Так, в Институте сейсмостойкого строительства и сейсмологии АН ТаджССР стажерам-исследователям из ДРА Исмаилу Мухамадзу и Исмаилу Табесу Нур Мухамадзу была оказана помощь в освоении методов первичной обработки результатов сейсмометрических наблюдений, микрорайонирования и др.¹⁶

В 1982 г. зав. лабораторией Института сейсмостойкого строительства и сейсмологии АН ТаджССР Ю. А. Мамадалиев был командирован в ДРА для оказания помощи в организации там департамента сейсмологии и определении основных направлений его работы. Он провел также консультации по организации сети сейсмических станций на территории ДРА. На факультете геологии Кабульского университета им был сделан доклад на тему «Изучение сейсмического режима Таджикской ССР»¹⁷.

В декабре 1983 г. АН ДРА были переданы в качестве дара АН СССР приборы и материалы, предназначенные для создания сейсмической станции в Кабуле и организации Института ботаники АН ДРА.

Для проведения работ по монтажу, наладке и запуску аппаратуры сейсмической станции, а также обучения необходимых для нее местных кадров в ноябре 1983 г. в ДРА были командированы сотрудники Института сейсмостойкого строительства и сейсмологии АН ТаджССР А. Хамидов, Ю. Заславский, А. Холмурадов¹⁸.

В 1984 г. была установлена, отлажена и запущена в режим нормальной работы вся сейсмометрическая и контрольно-измерительная аппаратура сейсмостанции «Кабул», пока единственной в системе Академии наук Афганистана¹⁹.

Важное значение имеет сотрудничество обеих стран в развитии сельского хозяйства Афганистана, в частности в борьбе с сельхозвредителями. Так, Институт зоологии и паразитологии АН ТаджССР оказал научно-методическую помощь АН ДРА в составлении научной программы, подготовке на языке дари пособия, инструкции и рекомендации по интегрированной системе борьбы с вредителями сельхозкультур. Ученые Института Ш. Умаров, Н. Муминов во время своего пребывания в ДРА в 1984 г. обсудили программу совместных работ АН СССР и АН ДРА по изучению агроэкосистемы хлопкового поля и разработке системы борьбы с вредителями хлопчатника²⁰.

В подготовке проекта организации Института ботаники АН ДРА, его структуры и основных направлений исследований консультативную помощь оказал Институт ботаники АН ТаджССР. Составлен 5-летний план (1986—1990 гг.) совместных исследований Института ботаники АН ТаджССР и департамента ботаники АН ДРА по изучению флоры споровых и цветковых растений, растительных ресурсов ДРА, вопросов интродукции лекарственных, плодовых, кормовых, декоративных и других растений²¹.

Широки и многообразны научные связи Института востоковедения АН ТаджССР и АН ДРА. Так, одним из важнейших направлений исследований ИВ АН ТаджССР является изучение литератур народов Афганистана, их взаимосвязей с литературами других стран и т. д.

В 1983 г. АН ДРА опубликовала монографию сотрудника ИВ АН ТаджССР У. Абидова «Парванский говор языка дари» в № 9 и 10 журнала «Хорасан» (в качестве «Приложения»).

В 1984 г. Издательство «Байхаки» в Кабуле выпустило «Краткий фразеологический словарь языка дари», составленный сотрудником ИВ АН ТаджССР А. Сияровым и афганским исследователем А. Атифом²². Словарь охватывает более 1300 фразеологических единиц дари с их описанием, даны их эквиваленты на пушту и узбекском языках.

Только в 1980—1984 гг. научными сотрудниками ИВ АН ТаджССР У. Абидовым, Г. Джураевым и А. Сияровым опубликовано более 10 научных статей в журналах ДРА «Ирфон», «Хорасан», «Китоб» и др. Среди них: «Крупное исследование о группе таджикских говоров» (ж. «Хорасан». 1981. № 3), «О важных аспектах изучения говоров современного языка дари» (там же, № 7), «Изучение лексики языка дари в СССР и Афганистане» (ж. «Китоб». 1983. № 6), «Основные грамматические и лексические отличия языков дари и таджикского» (ж. «Ирфон». 1982. № 1, 8—12), «Важное произведение о лексикографии дари» (ж. «Овоз». 1980, № 4—6), «Новые географические термины и понятия» («Бюллетень географии». 1980. № 1—2, 11—12) и др.²³

¹⁶ Архив АН ТаджССР. Материалы за 1981—1982 гг.

¹⁷ Там же. Материалы за 1982—1984 гг.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Материалы за 1984—1985 гг.

²¹ Там же.

²² Там же. Материалы за 1983—1984 гг.

²³ Там же. Материалы за 1980—1984 гг.

Важнейшие аспекты политической, экономической и культурной жизни Афганистана в 60—70-е годы и революционные преобразования после победы Апрельской революции, а также отдельные вопросы развития общественной мысли народов Афганистана нашли свое отражение в работах Х. Назарова, С. Мерганова, Д. Саидмурадова, Ш. Имомова²⁴.

К настоящему времени в ИВ АН ТаджССР в основном завершены разделы большого коллективного труда, созданного при участии специалистов из некоторых вузов республики, по проблемам литературы на дари и пушту до 70-х годов XX в. Ведется также исследование творчества отдельных представителей афганской литературы — Кори Абдуллы, Ибрагима Халила, Сулеймана Лоика и др.

Все это способствует дальнейшему развитию многогранного советско-афганского сотрудничества, помогающего афганскому народу, несмотря на все трудности, строить новую жизнь, развивать экономику и культуру своей страны.

А. Аюпов

²⁴ Назаров Х., Мерганов С. Афганистони навин. Душанбе, 1980 (на тадж. яз.); Саидмуродов Д. Афганистан.—Афганистан в «Таджикской Советской Энциклопедии». Кабул, 1982 (на дари); Назаров Х. Омолу афкори Саид Джамолуддин Афлон. Душанбе, 1981 (на тадж. яз.); Имомов Ш. Некоторые черты мировоззрения Джамолуддина Афгона и общественной мысли Афганистана в начале XX в.— Ближний и Средний Восток. Экономика и история: Сборник. М. 1983.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы суровых военных испытаний весь советский народ поднялся на защиту своей социалистической Родины. В единый строй на борьбу с ненавистным врагом встали и советские писатели.

«В эту войну советская литература,— говорил А. Н. Толстой,— начинает свой новый период: она пошла в окопы и на заводы, и становится живым непосредственным голосом воюющего народа»¹.

Многие писатели Узбекистана, как и других республик, ушли на фронт и с оружием в руках беспощадно громили врага, не забывая, однако, и о литературном творчестве. Так, поэт-фронтовик Хасан Саид подчеркивал, что «его винтовка и перо неразлучны, их цели едины»².

Литераторы же, оставшиеся в тылу, всячески содействовали партии в мобилизации всех сил народа на разгром врага.

В сентябре 1941 г. состоялось расширенное, совместно с активом, заседание Президиума Союза советских писателей Узбекистана. С яркой речью выступил председатель Союза Хамид Алимджан. Определяя основные направления деятельности писательской организации Узбекистана, он подчеркнул, что прежде всего надо отрешиться от благодушия мирного времени и перестроить всю свою работу на военный лад: шире развернуть работу по военно-патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся, особенно воинов, отправляющихся на фронт, изыскивая все новые формы и методы наиболее действенного влияния на умы и сердца людей. Лозунг партии «Все для фронта, все для победы!» должен стать непреложным законом жизни и деятельности каждого члена Союза³.

Взволнованно прозвучали на заседании выступления писателей Тимура Фаттах, Шейх-Заде, Уйгуна и других. Они призывали собратьев по перу отдать весь свой творческий талант и пыл своих сердец делу беззаветного служения партии и народу, защиты Советской Отчизны⁴.

В это время одной из важных форм работы писателей в массах стали публичные выступления перед трудящимися. Выступления с докладами на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, парках и домах культуры, в клубах, частях Красной Армии и других общественных местах стали нормой повседневного труда каждого писателя. Только за два месяца с начала войны было проведено более 100 таких выступлений, на которых присутствовали десятки тысяч человек⁵.

Расширилась и печатная пропаганда. Уже за первые два месяца войны было создано 80 военно-патриотических песен, 15 антифашистских пьес, причем пьеса «Курбан Умаров» уже готовилась к постановке.

28 ноября 1941 г. в идеологическом отделе ЦК КП(б)Уз было проведено совещание работников литературы и искусства по вопросу усиления творческими работниками идеологической и политико-массовой работы среди трудящихся, подчинения ее интересам фронта, нашей победы⁶. Было признано необходимым создать при

¹ Вестник Академии наук СССР. 1943. № 1—2. С. 80.

² Правда Востока. 1941. 12 сент.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-2320, оп. 1, д. 211, л. 11.

⁴ Правда Востока. 1944. 27 дек.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-2187, оп. 2, д. 116, л. 14.

⁶ Правда Востока. 1941. 29 нояб.

Президиуме ССП Узбекистана специальный отдел агитации и пропаганды⁷, на который возлагалась разработка наиболее эффективных форм и методов идейно-массовой работы среди труженников тыла, а особенно в частях Красной Армии и пунктах военного обучения при райвоенкоматах.

Все это способствовало резкой активизации деятельности как Союза в целом, так и отдельных его звеньев.

Одной из важных задач писателей было оказание эффективной помощи театру и кино новыми актуальными пьесами и сценариями, отражающими героизм борьбы народов СССР, в том числе узбекского народа, против гитлеровского фашизма⁸.

В первые месяцы войны наиболее приемлемыми признавались малые формы всех видов литературного творчества, в частности выпуск в свет брошюр «Жанговар эпизодлар» («Боевые эпизоды»), публикация очерков, рассказов, заметок, корреспонденций из Действующей Армии и др.

В прозе ведущее место заняли короткий рассказ и публицистический очерк, в поэзии — небольшое стихотворение с глубоким проникновением в суть происходящего. Но вместе с тем создавались и более значительные произведения с широким диапазоном действия.

Народный поэт Узбекистана Ислам Шоир, провожая своих сыновей на фронт, писал:

«Дитя мое, запомни мой завет!
Мне Родина — сокровище и свет.
Сын-лев — награда мне на склоне лет,
Награды равной в целом мире нет,
Будь, как Чапаев, храбр, Бобокулджан»¹⁰.

Высокие чувства советского патриотизма, безграничной ненависти к врагу звучали в словах народных акынов (певцов). Так, Фазил Шоир в первые дни жестоких сражений с фашистами писал:

«За Родину, чье имя нам святыня,
Где светлые сады превращены в пустыни,
За счастье, за свободу — в бой! Вперед!
Врагу не покорится наш народ»¹¹.

Провожая юношей Самарканда на борьбу с фашизмом, С. Айни напутствовал их:

«Юноша-герой,
В бой скорее, в бой.
Голову врага
Принеси домой»¹².

Выдающийся поэт и писатель Хамид Алимджан поместил ряд ярких военно-патриотических статей в газетах «Кизил Узбекистан», «Правда Востока», в которых выразил горячую убежденность в том, что фашизм обречен, победа будет за нами¹³.

Другой выдающийся поэт и писатель Узбекистана, лауреат Государственной премии Гафур Гулям воспевал мужество советских бойцов и пламенный патриотизм узбекского народа. Его стихотворения «Проводы», «Марш пограничников», «Иду с Востока» и многие другие вдохновляли воинов и труженников тыла на новые подвиги¹⁴.

Всего в конце 1941 — начале 1942 г. было издано 180 п. л. художественно-патриотической литературы и 72 наиболее популярных произведения русских, европейских классиков, современных советских писателей¹⁵.

В дни ожесточенных боев под Москвой многие писатели Узбекистана посвящали свое творчество героическим защитникам столицы нашей Родины. Так, самаркандский поэт Саид Назар писал:

«Твою грудь я Отчизною сделал своей,
Ты вершина среди наших цветущих полей,
Ты дыханье мое до конца моих дней,
Ты нужна мне, как солнце весне, Москва»¹⁶.

В 1942 г. вышел в свет сборник военно-патриотических стихов «Ватан учун» («За Родину») поэтов Шейх-Заде, Чусты, Хамида Алимджана, Тимура Фаттаха и Айбека¹⁷.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Кары-Ниязов Т. Н. Очерки истории, культуры и науки Советского Узбекистана. — Избранные труды. Т. 5. Ташкент. 1964. С. 451.

¹⁰ Народная поэзия Узбекистана. Ташкент. 1951. С. 28.

¹¹ Там же. С. 42.

¹² Ленинский путь. 1941. 4 окт.

¹³ Правда Востока. 1942. 25 янв.; Кизил Узбекистан. 1942. 23 февр.

¹⁴ Гафур Гулям. Избранное. Ташкент. 1953. С. 183.

¹⁵ Правда Востока. 1942. 12 апр.

¹⁶ Ленинский путь. 1942. 21 окт.

¹⁷ Правда Востока, 1942. 20 авг.

Огромное значение для творческого роста литераторов Узбекистана имело тесное сотрудничество их с писателями и поэтами, эвакуированными из западных районов страны.

В годы войны в Узбекистан прибыло более 100 известных советских писателей, как А. Толстой, Н. Погодин, В. Иванов, В. Ян, М. Алигер и др. Партийные и советские органы республики создали все условия для их творческой деятельности в братском содружестве с деятелями литературы Узбекистана.

Когда 12 декабря 1942 г. открылся пленум ССП Узбекистана¹⁸, в его работе приняли участие не только писатели Узбекистана, но и представители многих братских литератур¹⁹. На пленуме, в частности, отмечалось, что писатели республики опубликовали за время войны 400 названий политической и оборонно-массовой литературы и 250 сдали в печать, написали более 200 стихотворений и рассказов, 70 драматических произведений и 300 патриотических песен²⁰.

В конце 1942 г. группа узбекских писателей выпустила сборник «В боях за Родину», куда вошло 50 рассказов о героизме и мужестве воинов-узбеков.

Амин Умари написал ряд патриотических стихотворений. Уйгун выпустил в свет сборники стихов «Мелодии побед», «Гнев и любовь», написал пьесу «Полет орла», в которой ярко раскрыл нерушимую дружбу народов нашей страны, и т. д.

Новые произведения создавали народные поэты — Фазил Юлдаш, Ислам Шонир, Курбан-ата и др.

Особенно самоотверженно трудился Ислам Шонир, которому шел уже 80-й год. В своих стихах он воспевал Коммунистическую партию, нерушимую дружбу народов СССР, подвиги отважных сынов и дочерей Узбекистана на фронте и их героический труд в тылу. Ислам Шонир создал такие замечательные произведения, как «Красноармеец», «Ленинградским бойцам-патриотам», «Народные ополченцы», «Героям Советского Союза» и др. В годы войны вышло три сборника его стихотворений — «Книга войны», «Книга героев», «Книга победы».

Абдулла Каххар написал повесть о Герое Советского Союза Ахмеджане Шукурове, писательница Айдын — рассказы о бойцах-узбеках и о героическом труде узбекских женщин в тылу²¹.

Кроме того, узбекские писатели сделали в эти годы ряд переводов патриотических стихотворений В. Лебедева-Кумача, П. Кирсанова, А. Твардовского и др. Они шефствовали над госпиталями, внесли значительные суммы в Фонд обороны, работали над письмами узбекского народа воинам-фронтовикам. В одном из таких писем говорилось: «Сын узбекского народа, твои предки предпочитали перегрызть цепи рабства зубами, чем жить в неволе. Человек, хоть раз вкушивший всю сладость свободы, никогда ее не забудет... Храбро сражайтесь за нашу Родину, за нашу победу»²².

Так, сражаясь пером и оружием, писатели Узбекистана, как и всей страны, отдавали все свои силы, творческие помыслы, а нередко — и жизнь всенародному делу защиты Родины, борьбе за победу над ненавистным фашизмом.

А. В. Ефимов

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 8080, оп. 1, д. 1215, л. 13.

¹⁹ Правда Востока. 1942. 15 дек.

²⁰ Гулямов Х. Коммунисты Узбекистана в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Ташкент. 1952. С. 72.

²¹ Правда Востока. 1943. 21 февр.

²² Ленинский путь. 1942. 27 окт.

ИСТОРИОГРАФИЯ

К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Разработка проблемы психологии допроса потерпевших — одной из актуальнейших в теории и практике уголовного процесса — имеет длительную историю. Как известно, развитие психологических знаний в XIX в., особенно во второй его половине, привело к использованию их в самых различных сферах общественной жизни. Все шире начали они применяться и для установления истины в уголовном процессе, в частности при проведении допросов обвиняемых, потерпевших и др. Так, в работах И. Гофбауера «Психология в ее основных применениях к судебной жизни» (1808), И. Фридрейха «Систематическое руководство по судебной психологии» (1835) и других авторов делались попытки использовать психологические знания при допросе, характеристике показаний. Количество подобных работ значительно увеличивается с дальнейшим интенсификацией развитием психологии, разработкой экспериментальных методов исследования психических явлений. Особое внимание при этом уделялось психологии свидетельских показаний, приемам их получения и оценки достоверности.

В начале XX в. широкую известность получили работы Г. Гросса, В. Штерна, О. Липпмана, В. Ф. Листа, Е. Клапареда и т. д. Многие из них были изданы в переводе в России, где подобными вопросами занимались П. Е. Владимиров, О. Гольдов-

ский, А. И. Елистратов, А. В. Завадский, Е. М. Кулишер, А. Ф. Кони, М. М. Хомяков, М. П. Бухвалов¹ и др. Посвященные в основном психологии свидетельских показаний, их исследования представляли определенный интерес и для психологии допроса потерпевших. Надо отметить, что они имели различную научную ценность. Так, в работах О. Гольдовского, А. Е. Елистратова, А. В. Завадского и ряда других авторов проявлялось негативное отношение к свидетельским показаниям, что было результатом не только их идеалистических воззрений, но и отражения ими интересов господствующего класса — буржуазии. Видные же прогрессивные юристы (А. Ф. Кони и др.), выступая с критикой положений о «ненадежности» свидетельских показаний, вскрывали их несостоятельность, односторонность экспериментов и ложность выводов, которые делались на их основе. Критикуя В. Штерна, О. Гольдовского и их сторонников за ложную оценку свидетельских показаний, А. Ф. Кони указывал, в частности, что исследования В. Штерна крайне односторонни и направлены столько же против свидетелей, сколько и против судей и особенно присяжных заседателей.

Несовершенство методов и несостоятельность выводов В. Штерна отмечал и другой русский юрист — Е. М. Кулишер, в работе которого имеется немало ценного материала по психологии свидетельских показаний.

Хотя Г. Гросс, В. Штерн, О. Гольдовский, А. В. Завадский и др. в своих экспериментах и исследованиях исходили из порочных, идеалистических методологических позиций, их работы все же обращали внимание на необходимость изучения юристами психологии, а кроме того, содержали большой фактический материал, представлявший определенный интерес.

В дореволюционный период было издано и немало других работ по судебной психологии, например В. М. Бельского, А. Болтунова, А. Щеглова² и др. Наряду с материалом о психологии свидетелей, обвиняемых, их показаниях, в них говорится и о психологии потерпевших. Из данных о допросе свидетелей можно сделать некоторые практические выводы и о допросе потерпевших. Однако значительных исследований, посвященных специально психологии допроса потерпевших, в указанный период еще не было.

Утверждения многих дореволюционных юристов о «ненадежности» показаний свидетелей и потерпевших в уголовном процессе, фетишизация ими «немых свидетелей» в сущности были отражением общего поворота буржуазии в период империализма к реакции, когда ее интересы оказались несовместимыми ни с истинностью, ни с законностью в правосудии.

После победы Октября новая, советская психология постепенно все прочнее становится на единственно правильную, подлинно научную основу — марксистско-ленинскую философию. Формируются новое советское право и социалистическое правосудие. Это сказалось и на подходе к решению всех психологических проблем уголовного судопроизводства, в том числе допроса свидетелей и потерпевших, формирования и оценки их показаний.

Если и сейчас реакционные буржуазные юристы и психологи, оставаясь на идеалистических, порочных методологических позициях, продолжают говорить о «ненадежности» свидетельских показаний и широко применяют при допросе наркотические вещества («сыворотку правды»), «полиграфы», гипноз, обман, провокации и т. п., то советский уголовный процесс основывается на принципах социалистического гуманизма, демократичности, законности.

Исследуя изолированно друг от друга отдельные психические акты, буржуазные ученые отрывают их от личности, а поведение допрашиваемого рассматривают вне связи с общественной жизнью. Поступая так, они не стремятся раскрыть закономерности проявления человеческой психики при восприятии события и свидетельствовании о нем, чтобы разработать приемы получения полных и правдивых показаний, а хотят подорвать доверие к свидетелю и потерпевшему, их показаниям, в которых разоблачалась бы гниль социального строя буржуазного общества — источника преступности и преступлений. Это сознательное содействие карательному произволу буржуазной юстиции.

¹ Владимирова П. Е. Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901; Гольдовский О. О психологии свидетельских показаний. — Вестник права. 1904. № 6; Елистратов А. И., Завадский А. В. К вопросу о недостоверности свидетельских показаний. Казань, 1903; Кулишер Е. М. Психология свидетельских показаний и судебное следствие. — Вестник права. 1904. № 8; Кони А. Ф. Свидетели на суде. — Проблемы психологии. Ложь и свидетельские показания. СПб. 1905; его же. Свидетели на суде. — Проблемы психологии. 1909. № 1; его же. Психология и свидетельские показания. — Новые идеи в философии. 1913. Вып. 9; Хомяков М. М. К вопросу о психологии свидетеля. — Труды юридического общества при Казанском университете. Казань, 1903; Бухвалов М. П. Изучение свидетельских показаний. — Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. — СПб., 1907. Вып. 1.

² Бельский В. М. В поисках судебной правды (Судебно-психологический очерк для присяжных заседателей). Вятка, 1915; Болтунов А. О судебной психологии. — Юридический вестник. 1916. Кн. XIII (1); Щеглов А. Психологическая диагностика данных судебного дела. — Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1913. Т. X. Вып. 2.

Советская судебная психология, руководствуясь принципом детерминизма, при исследовании показаний свидетелей и потерпевших изучает влияние на их формирование внешних, объективных и внутренних, субъективных факторов, учитывает психологические особенности личности допрашиваемого и на этой основе, в числе прочего, разрабатывает эффективные приемы тактики допроса, получения достоверных показаний. Отличительные черты советского уголовного процесса, выполняющего и воспитательную функцию,— обоснованность, доказанность и возможность проверки результатов расследования в целом, в том числе полученных при допросе данных.

В первые послереволюционные годы перед молодым Советским государством остро стоял вопрос в борьбе с преступностью — тяжелым наследием прошлого. В ряде городов стали создаваться институты и кабинеты по изучению преступности и личности преступника. В 1923 г. такой кабинет был учрежден в Москве, а через два года там был создан Государственный институт по изучению преступности и преступника. В 1929 г. был открыт аналогичный кабинет в Минске, а в Киеве изучением личности преступника занимался Институт научно-судебной экспертизы.

В январе 1923 г. состоялся I Всероссийский съезд по психоневрологии, где работала и секция криминальной психологии. Съезд в своих резолюциях указал на желательность устройства при крупных пенитенциарных учреждениях лабораторий для криминально-психологических исследований и увеличения числа криминалистов-психологов. На II Всероссийском съезде по психоневрологии также функционировала секция по вопросам криминалистической рефлексологии и психологии. Вопросы судебной психологии обсуждались и на I съезде по изучению поведения (1930 г.).

Хотя главное внимание криминалистов в те годы обращалось на изучение преступности и преступника, велись исследования и по вопросам формирования свидетельских показаний. В 1925 г. вышла работа А. Я. Канторовича «Психология свидетельских показаний». К этому времени у ряда юристов и психологов не были еще полностью изжиты некоторые неправильные представления о сущности психических явлений. К тому же А. Я. Канторович некритически отнесся к методам исследований буржуазных ученых. В результате он пришел к ошибочному выводу о необходимости создания института психологической экспертизы допрашиваемых свидетелей и их показаний для определения «психической личности» и ее индивидуальных особенностей в области восприятия, памяти и т. д. На деле это привело бы к подмене предварительного и судебного следствия психологической экспертизой.

Не свободны от ошибок были и статьи Н. Гладышевского, посвященные свидетельским показаниям³. Автор, ссылаясь на «несовершенство» наших органов чувств, приходит к ошибочному выводу о неустранимости причин, порождающих ошибки в свидетельских показаниях. Однако большая часть советских юристов и психологов к тому времени уже сумели преодолеть влияние идеалистической психологии и взглядов буржуазных ученых на сущность психических явлений и в своих работах правильно подходили к вопросам формирования и оценке свидетельских показаний. К таким публикациям относятся брошюра А. Ф. Кони «Память и внимание» (1922), работа М. М. Гродзинского «Учение о доказательствах и его эволюция» (Харьков, 1925), исследования А. Р. Лурии «Экспериментальная психология в судебном деле» (Советское право. 1927. № 2 (26)) и др., исследования А. С. Тагера в области свидетельских показаний. Много ценного материала по этим вопросам содержали публикации А. Е. Брусиловского, М. С. Строговича, К. И. Сотонина⁴.

Экспериментальные работы советских психологов в корне отличались от экспериментов, проводимых буржуазными учеными. Психические процессы и свойства личности изучались в их взаимосвязи и взаимообусловленности, с учетом возраста, профессии, эмоционального состояния и других особенностей личности. Подчеркивая необходимость такого подхода, А. С. Тагер, возглавлявший экспериментальные работы в области психологии свидетельских показаний в Московском государственном институте экспериментальной психологии, писал: «Поскольку в исследовании психологии показаний мы в конце концов должны дойти до исследования источников ошибок как в восприятиях свидетелей, так и в сохранении и переработке восприятий, так и репродукции показаний, включая сюда и вопрос о превращении мыслей в слова, постольку мы не можем без исследования работы каждого испытуемого и сопоставления итогов с его психической продукцией в виде свидетельского показания»⁵.

Изучение работ довоенного периода показывает, что в них, как и ранее, еще специально не рассматривался вопрос о психологии и допросе потерпевшего. Это объясняется, на наш взгляд, многими причинами: перестройкой после победы Советской власти всего аппарата юстиции, созданием нового, советского законодательства и уголовного судопроизводства, новых форм и методов работы, большим объемом работы в этой области в борьбе с преступностью и сравнительно небольшим коли-

³ Гладышевский Н. Наша нормальная несправедливость (Психология свидетельских показаний).— Право и жизнь. 1927. № 3; его же. Рефлексология свидетельских показаний.— Вестник советской юстиции. 1928. № 22.

⁴ Брусиловский А. Е., Строгович М. С. Свидетельские показания в качестве судебных доказательств.— Методика и техника следственной работы: Сборник. Киев, 1934; Сотонин К. Очерк криминальной психологии. Казань, 1926.

⁵ Тагер А. С. О программе экспериментального исследования психологии свидетельских показаний.— Психология. М., 1929. Т. II. Вып. 2. С. 309.

чеством психологически образованных юристов и специалистов-психологов. Определенную роль сыграла и недооценка специального выделения данного вопроса, как и некоторая недооценка самих показаний потерпевших. Особое же значение имело значительное свертывание в 30-е годы исследований в области психологии — трудовой, социальной, медицинской, в том числе и судебной.

Однако юридическая наука, криминалистика, судебная практика не отказались от психологических исследований при решении различных вопросов в процессе предварительного и судебного следствия. По-прежнему, хотя и в небольшом количестве, выходили работы, посвященные допросу и формированию свидетельских показаний, например публикации Б. Шавера⁶, С. А. Голунского⁷, С. Г. Кривицкого⁸ и др.

Но и эти работы содержат весьма скудный материал для понимания психологии потерпевшего, особенностей формирования его показаний и разработки тактических приемов допроса. Да и процессуальное положение самого потерпевшего, вопрос о его правах и обязанностях, от чего зависела в определенной мере правильная оценка его роли и показаний при расследовании, во многом требовали своего решения. Не удивительно поэтому, что после принятия в 1958 г. нового уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик вплоть до середины 70-х годов большая часть публикаций о потерпевшем была посвящена его процессуальному положению и правам. Ведь по действовавшему до 1958 г. уголовно-процессуальному законодательству роль потерпевшего по процессуальному положению его мало чем отличалась от роли свидетеля.

Новое уголовно-процессуальное законодательство расширило права потерпевшего и обеспечило их реализацию процессуальными гарантиями. Это вызвало, в числе других факторов, заметное повышение интереса к его личности. Выходит большое количество работ о потерпевшем, рассматривавших прежде всего такие вопросы, как:

- процессуальное положение и права потерпевшего;
- изучение и психологическая характеристика потерпевшего;
- показания потерпевших и оценка их достоверности;
- тактические и психологические вопросы допроса потерпевших;
- исследование «вины потерпевшего», уголовно-процессуальное значение виновенности.

Несколько публикаций было посвящено особенностям допроса несовершеннолетних потерпевших.

Из многочисленных исследований о процессуальном положении и правах потерпевшего надо назвать в первую очередь работы И. И. Потеружа, В. П. Божьева, А. Р. Ратинова, Р. Д. Рахунова, В. М. Савицкого, В. А. Дубривного, Л. Д. Кокорева, В. З. Лукашевича, Н. М. Выдри, А. А. Касымова, М. С. Дьяченко, П. С. Дагеля, Н. П. Сильчевой, З. В. Макарова, В. Я. Рыбальской⁹ и др.

⁶ Шавер Б. Методика допроса.— Социалистическая законность. 1940. № 4.

⁷ Голунский С. А. Тактика допроса. Ашхабад, 1942.

⁸ Кривицкий С. Г. К вопросу о психологии свидетельских показаний и тактика допроса свидетелей.— Ученые записки Львовского государственного университета. 1949. Т. XIX. Вып. V.

⁹ Потеружа И. И. К вопросу о процессуальном положении потерпевшего в советском уголовном процессе.— Вопросы государства и права БССР. Вып. 2. Минск, 1959; Божьев В. П. Процессуальное положение потерпевшего.— Советская юстиция. 1959. № 9; его же. Участие потерпевшего в расследовании.— Вопросы криминалистики. М., 1962. № 6—7 (21—22); его же. Процессуальное положение потерпевшего.— Советская юстиция. 1975. № 8; Ратинов А. Р. Участие потерпевшего в предварительном следствии.— Социалистическая законность. 1959. № 4; Рахунов Р. Д. Расширение прав потерпевшего.— Социалистическая законность. 1960. № 4; Савицкий В. М. Участие потерпевшего в уголовном процессе.— Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования. М., 1962; Дубривный В. А. Потерпевший на предварительном расследовании в советском уголовном процессе: Автореф. канд. дис. Саратов, 1964; Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964; Лукашевич В. З. О процессуальном положении потерпевшего в советском уголовном процессе.— Ученые записки ВЮЗИ. Вып. XIV: Вопросы уголовно-процессуального права. М., 1964; Выдря Н. М. Гарантии прав потерпевшего и его представителя при рассмотрении уголовного дела в суде.— Советское государство и право. 1965. № 7; Касымов А. А. Потерпевший по уголовно-процессуальному законодательству Узбекской ССР: Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965; Дьяченко М. С. Обеспечение прав потерпевшего на предварительном следствии.— Труды ВЮЗИ. Т. 20: Проблемы укрепления законности и охраны прав личности в уголовном процессе. М., 1972; Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве.— Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974; Сильчева Н. П. Правовые и психологические основы участия в советском уголовном процессе потерпевшего от преступления: Автореф. канд. дис. М., 1974; Макаров З. В. Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов потерпевшего.— Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1975; Рыбальская В. Я. Уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и виктимологическое понятие потерпевшего.— Правоведение. 1976. № 3.

Всестороннее изучение процессуального положения и роли потерпевшего в расследовании указывало на необходимость более глубокой разработки этой проблемы, выявления возрастных и индивидуальных особенностей потерпевшего, без чего невозможно проверить и оценить качество его показаний, разработать эффективную тактику допроса. В результате появился ряд публикаций о психологическом изучении личности потерпевшего. Они на конкретных примерах показывали значимость изучения личности потерпевшего для установления истины, вооружали методикой исследования, позволяли лучше понять особенности формирования показаний потерпевшего, правильно оценить их, разработать эффективную тактику допроса с учетом индивидуальных особенностей потерпевшего.

Ценность этих работ заключалась и в том, что личность потерпевшего изучалась при совершении против нее самых различных преступлений. Так, А. И. Булатецкий¹⁰ изучал личность потерпевших в случае убийств, В. С. Бурданова¹¹ — при доведении до самоубийства, И. Ф. Крылов¹² — при расследовании половых преступлений, Р. И. Михеев¹³ — в случае неосторожных преступлений против личности, С. Б. Соболева¹⁴ выявляла особенности потерпевшего в связи с ситуацией совершения преступления и т. д. Такой подход позволял лучше понять особенности потерпевших в различных для них жизненных ситуациях, что имело немаловажное значение для избрания правильной тактики допроса и установления психологического контакта с потерпевшими. Важным вкладом в решение рассматриваемой проблемы явилось вышедшее в 1975 г. учебное пособие В. Я. Рыбальской по методике изучения личности потерпевшего.

Выход за сравнительно небольшой отрезок времени ряда публикаций по изучению личности потерпевшего был отрадным фактом. Предлагаемые методики изучения и психологические характеристики потерпевших оказали следствию большую помощь в более быстром и глубоком изучении потерпевших и успешном проведении их допроса.

Однако в этой области предстоит еще большая работа. У следствия слишком мало времени для создания полного и правильного представления о психологических особенностях проходящих по делу лиц, в том числе потерпевших. Поэтому задачей исследователей, и юристов, и психологов, является разработка такой методики и программы изучения, которые позволили бы следователю за имеющееся в его распоряжении время получить надежный материал об основных интеллектуальных, эмоциональных и волевых особенностях потерпевших, существенных чертах их характера.

До сих пор основная классификация потерпевших — это деление их на добросовестных и недобросовестных, что не всегда может удовлетворить следователя. К тому же полностью еще не изжитая тенденция при изучении личности потерпевшего, особенностей формирования его показаний объединять его со свидетелем. Это мешает увидеть специфику положения потерпевшего, особенности восприятия, сохранения и воспроизведения случившегося, переживаний, отношения к происшедшему, влияние субъективных и объективных факторов на формирование его показаний, установки, избранной позиции поведения.

Формирование показаний потерпевших — сложный процесс, на который влияют и субъективные, и объективные факторы. Для проверки и оценки показаний, выяснения их достоверности важно проследить весь путь прохождения полученной от источника информации до ее процессуального закрепления. Усиление внимания к потерпевшему, тактике его допроса привело к более глубокому анализу процесса формирования его показаний. В 1959 г. вышла работа В. Я. Дорохова о показаниях потерпевшего как доказательстве в уголовном процессе; в 1962 г. по этой же проблеме была опубликована работа В. П. Дубровного. В 1967 г. вышла книга А. Р. Ратинова «Судебная психология для следователей», в которой обстоятельно освещался вопрос о свидетельских показаниях и этапах их формирования. В том же году А. Р. Ратинов в соавторстве с Л. М. Карнеевой и С. С. Степичевым публикует другую работу, посвященную показаниям свидетелей и потерпевших. В 1968 г. по этому же вопросу выходит работа М. Л. Якуба. Довольно подробно освещается данный вопрос в учебном пособии А. В. Дулова «Судебная психология» (1970), в работах Е. Е. Центрова¹⁵, Г. Г. Доспулова и Ш. М. Мажитова¹⁶ и т. д.

¹⁰ Булатецкий А. И. Опыт изучения личности потерпевших при расследовании убийств. — Вопросы изучения личности на предварительном следствии. М., 1969.

¹¹ Бурданова В. С. Изучение личности потерпевшего при расследовании дел о доведении до самоубийства. — Вопросы изучения личности на предварительном следствии. М., 1969.

¹² Крылов И. Ф. Психологическая характеристика потерпевшей при расследовании половых преступлений. — Материалы научно-практической конференции. Вильнюс, 1970.

¹³ Михеев Р. И. Личность и поведение потерпевшего (По делам о неосторожных преступлениях против личности). — Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974.

¹⁴ Соболева С. Б. Психологические особенности личности потерпевшего и ситуация совершения преступления. — Укрепление законности и правопорядка в период развитого социализма. Душанбе, 1976.

Авторы указанных работ, проследивая показания потерпевших на всем пути их формирования, обстоятельно описывают внешние и внутренние факторы, которые могут оказать определенное влияние на их качество. Данные этих исследований вооружают следствие знаниями об этапах формирования показаний, указывают на причины возможных заблуждений, информируют, на каком этапе и почему могут происходить отклонения от того, что имело место в действительности. Материалистическое объяснение механизма формирования показаний потерпевших и возможных ошибок (или сознательной лжи) еще раз убедительно показывает реакционность и несостоятельность утверждений буржуазных ученых о «недостоверности» показаний потерпевших, вскрывает истинные причины их недооценки. Советское следствие получило материал, позволяющий создавать надлежащую процессуальную обстановку при допросе потерпевших, помогать искренне заблуждающимся и успешно, не нарушая процессуальных норм, разоблачать ложные показания.

Однако в ряде работ, например М. Л. Якуба, Г. Г. Доспулова и Ш. М. Мажитова и др., при описании формирования показаний не показана специфика этого процесса у потерпевших, хотя условия восприятия, закрепления, сохранения и воспроизведения информации, отношение к случившемуся у них, несомненно, иное, чем у свидетелей.

Требуется уточнения и вопрос об этапах формирования показаний. Большим шагом вперед было выделение А. Р. Ратиновым в его работе «Судебная психология для следователей» вместо трех традиционных этапов (восприятие, запоминание и воспроизведение) — пяти, которых сейчас придерживается большинство юристов. Однако при характеристике 4-го этапа (прием, переработка и процессуальное закрепление информации) говорится о возможных изменениях последней при ее фиксации следователем, а ведь речь идет о формировании показаний у свидетелей. По нашему мнению, здесь (как и при характеристике 5-го этапа — повторное свидетельствование) надо показать, как сказываются процессуальная обстановка, процесс общения со следователем на формировании показаний свидетеля (потерпевшего). Есть смысл выделить в отдельный этап и период между первым и повторным свидетельствованием, поскольку и здесь под влиянием различных факторов происходит активная переработка информации.

Достижением судебной психологии и следственной практики было появление работ о тактике допроса потерпевших. Большой интерес в этом отношении представляют работы Н. И. Порубова¹⁷. Этому вопросу вместе с проблемой допроса свидетелей на предварительном следствии была посвящена кандидатская диссертация Г. Г. Доспулова (1968). В 1971 г. опубликована статья И. М. Макарь о психологии допроса потерпевших, а в 1972 г. — В. Е. Сидорова о тактических особенностях допроса потерпевшего при раскрытии преступлений по горячим следам. В 1974 г. выходят работы А. Б. Соловьева и А. Г. Шестерова о допросе свидетелей и потерпевших. Затем появляются и работы других авторов по данной проблеме. Они способствовали не только решению теоретических вопросов психологии допроса потерпевших, его тактики, но и совершенствованию практики допроса. Общим недостатком указанных и других работ — слабая дифференциация потерпевших на добросовестных и недобросовестных. Некоторым дополнением было предложение Е. И. Макаренко о делении потерпевших (как добросовестных, так и недобросовестных) на активных и пассивных, сделанное им в работе об использовании виктимологических данных при допросе потерпевших по делам о квартирных кражах. Однако и это предложение, разумеется, не исчерпывает всего разнообразия потерпевших, и вопрос об их классификации, учете индивидуальных особенностей и индивидуально-психологическом подходе к ним в процессе допроса стоит так же остро, как и прежде.

Большое значение для разработки тактики допроса, как и расследования в целом, имеют данные виктимологии («учение о жертве») — одного из наиболее молодых направлений в теории и практике борьбы с преступностью. Изучая различные аспекты жертвы преступления, виктимология указывает, что поведение самого потерпевшего может быть преступным, неосмотрительным, рискованным, легкомысленным, провокационным, одним словом, опасным для самого потерпевшего.

¹⁵ Центров Е. Е. Оценка достоверности показаний потерпевших. — Социалистическая законность. 1971. № 6.

¹⁶ Доспулов Г. Г., Мажитов Ш. М. Психология показаний свидетелей и потерпевших. Алма-Ата, 1975.

¹⁷ Порубов Н. И. Психологические основы допроса. Минск, 1968; его же. Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике. Минск, 1968.

¹⁸ Франк Л. В. Об изучении личности и поведения потерпевшего (Нужна ли советская виктимология?) — Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалогии. Душанбе, 1966; его же. Виктимология и виктимность (Об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью). Душанбе, 1972; его же. Роль виктимологических исследований в разработке криминалистической тактики. — Актуальные проблемы государственного строительства и укрепления социалистической законности в Таджикской ССР. Душанбе, 1973; его же. Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии. — Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974; его же. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977, и др.

Большой вклад в развитие этого направления внесли многочисленные исследования Л. В. Франка¹⁸, занимающегося данной проблемой в течение многих лет. Для правильного понимания вины потерпевшего и разработки эффективной тактики его допроса представляют интерес работы П. С. Дагеля, Н. Кузнецовой, В. С. Минской, Н. Я. Митина, С. И. Филановского, Д. А. Турчина, Д. В. Ривмана, С. Б. Соболевой¹⁹ и др.

Таким образом, даже краткий экскурс в историю разработки проблем психологии потерпевшего и его допроса показывает большие сдвиги и достижения советской криминалистики и в этой области. Психология личности потерпевшего, формирование его показаний, психологические и тактические аспекты его допроса — проблема, имеющая большое практическое значение. Она весьма сложна и требует от следователя высокой профессиональной подготовки, знания основных вопросов психологии и педагогики, умения применять эти знания на практике. Основой тактических приемов допроса потерпевших служат нормы уголовно-процессуального закона, и соответствующие приемы должны быть направлены на более эффективное выполнение этих норм. Это требует от следователя творческого отношения к расследованию преступлений, в частности к проведению допросов потерпевших.

Дальнейшее развитие уголовно-процессуальной науки, криминалистики, судебной психологии, других юридических наук, безусловно, позволит разработать еще более стройную и эффективную систему тактических приемов не только допроса потерпевших, но и всего процесса расследования преступлений в интересах искоренения и профилактики преступности в нашей стране.

М. Нагимов

¹⁹ Дагель П. «Вина потерпевшего» в уголовном праве.— Советская юстиция. 1967. № 6; Кузнецова Н. Уголовное значение «вины потерпевшего». — Советская юстиция. 1967. № 17; Минская В. Ответственность потерпевшего за поведение, способствовавшее совершению преступления.— Советская юстиция. 1969. № 4; Минская В. С. Опыт виктимологического изучения изнасилования.— Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., 1972; Митин Н. Я. Значение виктимологических данных для тактики допроса потерпевших.— 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия (Краткие тезисы докладов научной конференции). Л., 1972; Филановский С. И. Влияние поведения потерпевшего на ответственность субъекта преступления.— Советская юстиция. 1972. № 14; Турчин Д. А. Виктимологические задачи в криминалистике.— Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974; Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975; Соболева С. Б. Виктимологические факторы в преступлениях против личности.— Правоведение. 1976. № 2, и др.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ ОБ АРЕНДЕ ВАКУФНЫХ ЗЕМЕЛЬ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Одной из форм феодального землевладения в Хивинском ханстве, как известно, были вакуфы, юридически составлявшие собственность медресе, мечетей, дервишских обитателей (ханака), гробниц «святых» и государей и других религиозных и благотворительных учреждений, а фактически находившиеся во владении духовенства. Количество принадлежавших тому или иному вакуфному учреждению земель достигало весьма значительных размеров. Так, по данным составленного в начале XX в. в ханской канцелярии учета вакуфного имущества по медресе Хивинского ханства, вакуфные земли медресе Аллахкули-хана (1825—1842) составляли 8461,5 танаба, медресе Мухаммад Амин-хана (1845—1855) — 33 754,5 танаба, медресе Мухаммад Рахим-хана II (1864—1910) — 38 987 танабов и т. д.¹

Эти земли обрабатывали крестьяне на различных условиях аренды. Одним из условий было то, что вакуфное имущество в Средней Азии не предоставлялось в аренду одним и тем же лицам более чем на три года, что диктовалось стремлением предотвратить присвоение этих земель². Однако в XIX в. в Хивинском ханстве, как показывают документы из собрания ИВ АН УзССР, больше практиковалась долгосрочная аренда (иджара-и тавила). Это отразилось и на составлении самих вакуфнаме: теперь в большинстве их о сроках аренды вообще не упоминается³.

¹ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 483, л. 40, 97, 119 об.

² Вакуфная грамота Ширгази-хана. Ркп. ИВ АН УзССР, № 5 (4), и др.; Чехович О. Д. Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965. С. 22; Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. Ташкент, 1966. С. 293.

³ Вакуфная грамота 1248/1842 г. Сайид Нийаз-бая, сына муллы Султана. Ркп. ИВ АН УзССР, № 4 (3); Акты об обращении в вакуф земель в пользу мечети Каримберди хамбаша, а также ханака, столовой (ашханы) и мечети имама Йунуса.— Там же. Васанк намуналари. Ркп. № 7799, л. 1706—184а; Акт об обращении в вакуф мулла Кутли Мурадом полтанаба земель в пользу мечети в Хазараспе.— Там же, ркп. № 9490, л. 37а, док. 330 (396), и др.

Сроки аренды оговаривались в документах об арендных сделках, заключенных между управляющим вакфом — мутаваллием и арендаторами. Они подтверждают, что одной из особенностей аренды вакуфных земель в Хиве XIX в. была именно долгосрочная аренда. Так, в 1843 г. представителем духовного семейства из Кукчака Бакирджан-ишаном было арендовано 50 танабов земель из вакфа Уйгура, расположенных по р. Амударья. При этом отмечено, что аренда долгосрочная⁴. В 1897—1898 гг. в долгосрочную аренду сроком на 70 лет были сданы 2 участка земли в местности Пурханхас из вакфа мечети Мухаммад Нийаз-бая; 6 танабов земли из вакфа карыханы в местности Умарат, в окрестностях Гурлена; 5,5 танаба земли из вакфа карыханы Аллабергана бакала в Ханабаде и т. д.⁵

В июне-июле 1893 г. было роздано 36 лицам 222,5 танаба вакуфных земель Мухаммад Рахим-хана II, расположенных в окрестностях Гурлена, по берегам каналов Мангыт, Никуз, Уйгур и Наукас. Земли в аренду сдавал мутаваллий вакфа, брат упомянутого выше Бакирджан-ишана, Мухаммад Закир-ишан, сын Мухаммад Ша-рифа.

Во всех 36 документах указан 90-летний срок аренды. Каждому арендатору (в документах он обозначен термином мустаджер) сдавалось от 5 до 12 танабов земли. Арендная плата назначалась не из доли урожая, а в определенном количестве продуктов с арендуемой площади. Например, с 7 танабов земли по каналу Никуз было установлено 5 батманов и 80 агры зерна в год; с 12 танабов земли по каналу Мангыт — 9 батманов зерна в год и т. д. При этом отмечалось, что половина зерна должна сдаваться пшеницей, а половина — джугарой⁶. По нашим подсчетам, средняя норма арендной платы с этих земель составляла приблизительно около одного батмана зерна в год с каждого танаба.

В XIX в. в Хивинском ханстве, как и ранее, существовала издольная аренда вакуфных земель. Об этом свидетельствует и документ о сдаче двумя мутаваллиями вакфа медресе Кутлук-Мурада иначе 4 танабов земли в местности Каттабаг, арендатору (в этом документе он обозначен термином «каранде») Курбан Нийазу, сыну Нийаз Мухаммада, с условием сдачи мутаваллию вакфа десятой доли (дахъяк) полученного урожая⁷. Такую же долю урожая с вакуфных земель взимали в ханстве и в начале XX в.⁸

Однако в рассматриваемый период преобладала натуральная форма арендной платы не из доли урожая, а с площади земли. Размер ее зависел от местоположения земли, состояния почвы, орошения и т. д. (как правило, сумма и форма арендной платы указывались в вакфнаме; если же условия арендной платы в ней отсутствовали, то их устанавливал мутаваллий). Например, по условиям отмеченного выше вакфнаме Сайид Нийаз-бая 1842 г., согласно которому в вакф было обращено большое количество земель, расположенных в различных районах ханства, с участков, находившихся в селении (карья) Куйуктам арендная плата (обозначенная в документах термином «иджара ва вакфана») с каждого танаба земли была установлена в размере 3,5 батмана зерна в год, а с земель, находившихся в селении Хасийан, — по 3 батмана зерна в год. Заметим и то, что с земель, расположенных в местности Шайхбаг, взималась различная плата: с одних участков — по 3 батмана зерна с танаба, с других — по 1 батману⁹.

Арендная плата (иджара) в размере 1 батмана зерна с танаба в год взималась в местностях Кушанда (под Хазараспом), Умарат (под Гурленом); по 2 батмана — в местностях Шахидан, Пурханхас и т. д.¹⁰

Из упомянутых выше реестров вакуфных земель ханства видно, что арендная плата в большинстве случаев составляла от 1 до 3 батманов зерна в год с танаба¹¹. Иногда устанавливалась более высокая норма арендной платы. Так, в одном документе (1897 г.) о сдаче в аренду 2 танабов вакуфной земли в местности Акйаб было установлено взимание 22 батманов зерна в год, т. е. по 11 батманов с каждого танаба¹². Зато аренда была краткосрочной — 3 года. Возможно, здесь имела место субаренда.

Арендная плата устанавливалась и деньгами. Например, за аренду 2,5 танаба земли из вакфа мечети Йунучи (в Наукасе) взималось 8 тилла в год, что также было сравнительно высокой платой. Порою же она была значительно ниже средней. Так, за аренду (хак вакфи учун) 1¼ танаба земли в местности Шайх, в окрестностях Кийат Кунграда, бывшей вакфом мечети, построенной Каримберди хамбашем,

⁴ ИВ АН УзССР, папка 4 (59), № 149а.

⁵ Там же, ркп. № 9490, л. 150а, док. 1669 (1733); л. 205 б, док. 3072 (2525); л. 361, док. 6574 (4494).

⁶ ИВ АН УзССР, папка 4 (59), № 111 а—146 а. Ургенчский батман — 40 кг, агры — 1/320 батмана (Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 87).

⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, № 7799, л. 95а.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, д. 655, л. 317.

⁹ Ркп. ИВ АН УзССР, вакфнаме № 4 (3).

¹⁰ Там же, инв. № 7799, л. 95б, 96а.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 483, 484, 485.

¹² Ркп. ИВ АН УзССР, № 9490, л. 143а, д. 1587 (1641).

выплачивалось 4 танга в год¹³. В целом же денежная форма арендной платы встречалась гораздо реже натуральной.

Вакуфные земли арендовали не только под посевы различных культур, но и для других целей, как возведение на них построек общественного значения: бань, ремесленных мастерских, торговых лавок и т. д., — а также для прокладки каналов. Например, в 1891 г. группа лиц (16 человек) взялись прорыть 3 канала на 3 участках вакуфных земель (примерно по 3 танаба каждый), где мутаваллием был уже упомянутый нами Мухаммад Закир-ишан. При этом два канала планировалось прорыть в местности Дурмен, а один — в местности Чака. За аренду первого участка арендаторы обязались ежегодно платить по 3 батмана пшеницы, за аренду второго — отдавать мутаваллию $\frac{1}{4}$ воды канала. Все расходы по рытью каналов арендаторы брали на себя. Вместе с тем они обязались не прокладывать на указанных землях новых каналов без разрешения мутаваллия¹⁴.

Кто же арендовал вакуфные земли? В вакфнаме медресе Ширгази-хана (XVIII в.) говорится: «...Арендаторами упомянутых земель пусть будет каждый, кто издревле возводил постройки [на упомянутой земле]. Законный мутаваллий без законных оснований, взяв из его рук [землю], другому пусть не отдает»¹⁵. Как видим, арендаторами выступали те, кто сидел на этой земле до обращения ее в вакф. Надо полагать, что такая практика сохранялась в общем и в XIX в.

Как показывают документы, на протяжении XIX в., особенно в последней его четверти, широко практиковались покупка и обращение в вакф мелких участков. Покупая землю и обращая ее в вакф на пользу мечети, гробницы, ханака или другого заведения, учредитель ставил условие, чтобы мударр¹⁶ был мутаваллием и либо сам обрабатывал землю вакфа, либо сдавал ее другому лицу в аренду¹⁷.

Зачастую учредитель того или иного вакфа, купив у кого-либо землю, отдавал ее бывшему хозяину в аренду в качестве вакуфного имущества. Например, в начале 1891 г. Мухаммад Рахим-хан II приобрел для вакфа мавзолея Сайид-Мухаммад-хана 15 танабов земли хакк-и мулк, расположенных в местности Нав-Асс, по берегу канала Айбат. Мутаваллий указанного вакфа сдал эту землю в аренду на 70 лет ее бывшему хозяину¹⁸. Подобная сделка была совершена в 1897 г. неким Аллахберган-баккалом, который, купив землю для вакфа своей карыханы, сдал ее в качестве вакфа бывшему хозяину¹⁹.

Очевидно, что нужда заставляла мелких землевладельцев продавать свои земли, а затем, чтобы как-то прокормиться, вновь арендовать их уже в качестве вакуфов.

Однако арендаторами вакуфных земель могли быть не только безземельные или малоземельные, но и светские феодалы, духовенство и иные зажиточные слои общества. Так, в 1843 г. Бакирджан-ишан из местности Кукчага арендовал 50 танабов земли вакфа Уйгура, расположенных по Амударье, с незначительной арендной платой — 20 танга в год. В 1870 г. его брат Мухаммад Закир-ишан, мутаваллий упомянутых выше вакуфных земель Мухаммад Рахим-хана II, арендовал 2 танаба земли в той же Кукчаге за 14 танга в год²⁰.

Нередко совершались коллективные сделки, когда арендаторами выступали несколько человек, обычно родственники. Например, в 1897 г. братья Каландар, Самандар и Мухаммад Шариф арендовали в местечке Пурханхас ряд участков земли у двух вакуфных учреждений. В 1913 г. четверо братьев арендовали 20 танабов земли в местности Ходжамкули из вакфа карыханы Нийаз Мухаммад-бая шаликара²¹.

Компаньоны по аренде могли и не быть родственниками. Например, в 1883 г. некие Раззакберди и Рахимберди взяли под аренду два участка земли (180 танабов), расположенных в местности Кыркыз, в окрестностях Хазараспа, в составе вакфа медресе Давлата каракуза. Они были арендованы сроком на 5 лет с уплатой по 30 тилла в год²². Видимо, это были откупщики либо они арендовали землю для нужд небольшой родовой общины.

Документы показывают, что откупщикам и представителям духовной и светской аристократии вакуфные земли сдавались на льготных началах, а мелкие землевладельцы арендовали их на тяжелых условиях, причем их права всячески органицивались. Это подтверждается и другими документальными данными. Например, «Документ (васика) о непредъявлении иска [на права] карандаы», составленный в пользу мутаваллия, устанавливал, что арендатор обязуется по желанию и согласно мутаваллия обрабатывать землю и сыпать зерно в том месте, где укажет мутаваллий. Затем он должен был сдать долю вакфа (хиссат-ул-вакф) мутаваллию, а если его

¹³ Там же, папка 4 (39), инв. № 148а; ркп. № 7799, л. 170 об.—171.

¹⁴ Там же, фонд «Васика», папка 11 (36), инв. № 386а.

¹⁵ Там же, вакфнаме № 4.

¹⁶ Лицо, живущее близ гробницы святого.

¹⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, № 7799, л. 179 а, б — 183 а, б.

¹⁸ Там же, л. 8а.

¹⁹ Там же, инв. № 9490, л. 363а, док. 6939—6940 (4521—4522).

²⁰ Там же, папка 4 (59), инв. № 149а, 150а.

²¹ Там же, инв. № 9490, л. 186а, док. 2752 (2274); л. 2056, док. 3072 (2525); папка 4 (59), инв. № 153а.

²² Там же, № 7799, л. 94б.

²³ Там же, л. 87б—88а.

труд (кишкарлик) не понравится последнему, то по первому требованию его арендатор обязан вернуть землю и не предъявлять на нее никаких претензий²³. В случае возникновения конфликта между землевладельцем и арендатором (например, из-за несвоевременного внесения арендной платы) также защищались права хозяина земли²⁴.

Надо сказать, что на арендатора, помимо арендной платы, ложился еще ряд повинностей.

За редким исключением, в изученных документах не указывается, кто должен нести многочисленные феодальные повинности и платить государственные налоги за арендованную землю, но из отдельных документов видно, что платил их арендатор. Так, в одном документе говорится: «...Ввиду неспособности уплаты арендной платы, салгута, [также повинности] казу и му'аната [арендованная земля] возвращается мутаваллию...»²⁵ По этой же причине другой арендатор вернул ранее арендованные 10 танабов земли, принадлежавшей медресе Астана, и обязался впредь не предъявлять по этому поводу никаких претензий²⁶. Таких случаев было немало вплоть до последних дней существования ханства²⁷.

Таким образом, в рассматриваемый период вакуфные земли в ханстве сдавались большей частью в долгосрочную аренду. Арендная плата взималась натурой, деньгами или в смешанной форме, причем преобладала натуральная форма. Размер ее в среднем колебался в пределах 1—3 батманов зерна с танаба. Дальнейшее изучение соответствующих документов, очевидно, позволит пролить дополнительный свет на вопросы вакуфного землевладения и аренды этих земель в Хивинском ханстве XIX — начала XX в.

А. Шайхова

²⁴ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, д. 655, л. 192, 193.

²⁵ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9490, л. 327б, док. 4712 (4021).

²⁶ Там же, инв. № 7799, л. 77б (на полях).

²⁷ Там же, папка 20 (77), инв. № 571а.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-ЛЕТИЮ А. П. КАЮМОВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения директора Института рукописей Академии наук УзССР, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, доктора филологических наук Азизхона Пулатовича Каюмова.

А. П. Каюмов родился 19 января 1926 г. в Коканде в семье учителя.

По окончании (1949 г.) восточного факультета САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) началась его научная деятельность. До 1957 г. А. П. Каюмов работал в Институте востоковедения (до 1950 г. — Институт по изучению восточных рукописей) АН УзССР, где был младшим научным сотрудником, ученым секретарем, затем старшим научным сотрудником. В 1957—1958 гг. А. П. Каюмов был старшим референтом Совета Министров УзССР по науке и вузам. В 1958—1961 гг. он — директор Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, в 1961—1963 гг. — заведующий отделом науки, вузов и школ (затем — отдел науки и культуры) ЦК КПУз, в 1963—1964 гг. — Министр и первый заместитель Министра культуры Узбекской ССР, в 1964—1974 гг. — председатель Государственного Комитета Совета Министров УзССР по кинематографии, в 1974—1979 гг. — ректор Ташкентского государственного института культуры, с 1979 г. — директор Института рукописей АН УзССР.

В 1954 г. А. П. Каюмов защитил кандидатскую диссертацию «К изучению жизни и творчества поэта Махмура (На основе вновь найденного дивана)», в 1961 г. — докторскую на тему «Кокандская литературная среда (XVIII—XIX вв.)».

В центре научных интересов А. П. Каюмова — широкий круг проблем истории узбекской литературы с древнейших времен. Огромное внимание уделяет он выявлению, изучению и введению в научный оборот письменных памятников прошлого.

Так, им был обнаружен и тщательно исследован диван стихотворений поэта Махмура, осуществлено научное описание (с составлением каталога) архива Хамзы Хаким-заде Ниязи из фонда ИВ АН УзССР. А. П. Каюмов активно участвовал в описании рукописей по узбекской литературе из фонда ИВ АН УзССР. Эти описания вошли в многотомное «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР».

При активном участии А. П. Каюмова подготовлены два тома «Каталога фонда Института рукописей». В научном сборнике «Адабий мерос» им опубликованы описания рукописей произведений Абдурахмана Джами.

Многое сделано А. П. Каюмовым в области изучения древнейших периодов развития узбекской литературы, наследия и личности выдающихся ученых-энциклопедистов Абу Райхана Беруни и Абу Али ибн Сины. Эта грань деятельности ученого нашла свое отражение в его книгах: «Беруни и литературное творчество» (1973), «Беруни и литература» (1974) и др. А. П. Каюмов участвовал в переводе с арабского на узбекский язык многих глав «Канона врачебной науки» Ибн Сины.

Особый интерес проявляет ученый к творческому наследию основоположника узбекской литературы и литературного языка Алишера Навои. Результатами его большой, плодотворной работы в этой области стали книги «Стена Искандара» (1975), «Комментарии Хайратул-абдор», «Социально-философские мотивы» (1977), «Тайны Фархада и Ширин» (1979), «Розы в долине любви» (1985, о поэмах Навои «Лейли и Меджнун» и «Семь странников»). Эти книги возродили сложнейший жанр восточного классического литературоведения — жанр научных комментариев.

А. П. Каюмовым были осуществлены редактирование и подготовка к печати ряда томов из 15-томного собрания сочинений А. Навои на узбекском языке, 10-томного собрания сочинений поэта на русском языке. Им были полностью подготовлены к изданию двухтомник «Алишер Навои» (1984), юбилейное издание «Хамсы» (1985), посвященный Навои 26-й том «Библиотеки всемирной литературы», отдельный том «Навои» в большой серии «Библиотека поэта» (1983).

На основе тщательного анализа источников А. П. Каюмов убедительно доказал, что «Тарихи анбиё ва хукамо» и «Тарихи мулуки Ажам» — не два отдельных сочинения, а одно цельное произведение Навои. Им создан также научно-критический текст произведения А. Навои «Вақфия», которое является важным источником в изучении биографии великого поэта.

Перу А. П. Каюмова принадлежат также работы, посвященные поэтическому творчеству Бабур, Хазыка, Надиры, Увайси, Гази, Завки, Фурката, Муками и др.

Научная деятельность А. П. Каюмова всегда успешно сочеталась с педагогической работой. В течение многих лет он читал специальные курсы по истории узбекской литературы на факультете повышения квалификации работников высшей школы при ТашГУ им. В. И. Ленина и в Ташкентском государственном институте культуры.

Под руководством А. П. Каюмова защищено много докторских и кандидатских диссертаций, выросла целая плеяда молодых ученых-литературоведов.

А. П. Каюмов — член ученых Советов по защите кандидатских и докторских диссертаций при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина, Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР и Институте искусствознания им. Хамзы. Он — ответственный редактор научного сборника «Адабий мерос», член редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане».

Азиз Пулатович участвовал во многих республиканских, региональных, всесоюзных и международных научных форумах, в том числе в состоявшихся в Москве международных конгрессах востоковедов (1959), этнографических и антропологических наук (1964), в проходившем в Стамбуле в 1982 г. Международном тюркологическом конгрессе и др.

Член КПСС с 1950 г. А. П. Каюмов неизменно ведет большую общественную работу. В 1961—1976 гг. он был кандидатом в члены ЦК КПУз; дважды избирался депутатом Верховного Совета УзССР; был председателем общественного Совета по внедрению новых обрядов при Ташкентском ОК КПУз. Ныне А. П. Каюмов является председателем общественного Совета республиканского правления Агентства печати «Новости», председателем Ташкентского областного общества борьбы за трезвость, членом правлений республиканских обществ «Знание», Книголюбов, Охраны памятников истории и материальной культуры, «Ватан» и др. А. П. Каюмов — активный пропагандист литературы и научных знаний в массах, автор многих научно-популярных брошюр, статей в республиканской печати — систематически выступает с лекциями и беседами среди населения.

Партия и правительство высоко оценили научную, научно-организаторскую, педагогическую и общественную деятельность А. П. Каюмова. Он награжден двумя орденами «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейными медалями в честь 30- и 40-летия Победы, медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР. В 1983 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Горячо поздравляя Азиза Пулатовича Каюмова с 60-летием, научная общественность республики желает ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, счастья и новых творческих свершений на поприще советской науки.

*Э. Ю. Юсупов, Г. А. Пугаченкова,
Э. Т. Ахмедходжаев, Г. Расулзев.*

К 60-ЛЕТИЮ Г. П. САРКИСЯНЦА

Исполнилось 60 лет со дня рождения заведующего кафедрой советского уголовного процесса юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, доктора юридических наук, профессора Саркисянца Георгия Павловича.

Г. П. Саркисянец родился 4 августа 1925 г. в Ташкенте в семье служащего. В 1947 г. окончил Ташкентский юридический институт. В 1947—1952 гг. находился на следственно-прокурорской работе, одновременно работал преподавателем в Ташкентской юридической школе. В 1952—1953 гг. проходил аспирантуру в Институте государства и права АН СССР, где в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Принципы предварительного следствия в советском уголовном процессе».

С 1953 по 1955 г. Г. П. Саркисянец — старший преподаватель Ташкентского юридического института. Одновременно работал членом коллегии и начальником отдела Министерства юстиции УзССР, а с 1959 по 1961 г. осуществлял руководство адвокатурой республики в Юридической комиссии при Совете Министров УзССР. В 1957—1961 гг. по совместительству работал старшим преподавателем в Ташкентском финансово-экономическом институте и Ташкентской высшей партийной школе при ЦК КПУз.

В 1961—1969 гг. Г. П. Саркисянец — старший научный сотрудник Института философии и права АН УзССР, а с 1969 г. по настоящее время — заведующий кафедрой советского уголовного процесса юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.

В 1966 г. решением ВАК СССР Г. П. Саркисянец был утвержден в звании старшего научного сотрудника.

В 1967 г. он защитил во Всесоюзном институте по изучению причин преступности (Москва) докторскую диссертацию «Участие защитника в советском уголовном процессе». В 1969 г. ему было присвоено звание профессора.

Перу Г. П. Саркисянца принадлежит свыше 140 работ, в том числе 13 монографий. Он один из авторов таких коллективных обобщающих трудов, как «История Советского государства и права Узбекистана» (в 3 томах, 1960—1968) и др. Ряд его статей опубликованы в журналах Индии, Шри Ланки, Эфиопии, Франции.

Круг научных интересов Г. П. Саркисянца весьма широк. Им комплексно исследованы проблемы участия защитника во всех стадиях уголовного процесса, а также процессуального положения и участия в уголовном процессе понятых, переводчика и законного представителя; на первичном архивном материале последовательно освещена история становления и развития суда, прокуратуры и адвокатуры в Узбекской ССР.

В работах Г. П. Саркисянца затронуты многие проблемы теории и практики уголовного процесса, дальнейшего совершенствования Основ и УПК союзных республик.

Большое внимание в его исследованиях уделяется освещению ленинских идей о социалистической законности и правосудии, их развитию КПСС и претворению в жизнь; проблемам судостроительства СССР и союзных республик, а также вопросам уголовного права, криминологии и криминалистики.

Г. П. Саркисянцем подготовлено также много публикаций учебно-методического характера по различным аспектам обучения студентов юридических вузов.

Ученый вносит свой вклад в разоблачение антинародной, реакционной сущности буржуазного правосудия, активно участвует в пропаганде правовых знаний в массах.

Г. П. Саркисянец — ответственный редактор ряда трудов по правовым наукам, неоднократно выступал рецензентом и оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям.

Под его руководством защищено большое количество кандидатских диссертаций. Он является членом двух специализированных Советов по защите диссертаций и научно-консультативного Совета при Верховном Суде УзССР.

Г. П. Саркисянец принимал непосредственное участие в подготовке УПК УзССР, Закона о судостроительстве УзССР, Положения об адвокатуре Узбекской ССР, в обсуждении и решении вопросов, связанных с совершенствованием действующего законодательства и практики его применения.

Г. П. Саркисянец выступал на многих республиканских, региональных и всесоюзных форумах ученых-юристов.

Член КПСС с 1950 г. Г. П. Саркисянец ведет активную общественную работу. Многие годы он был членом и секретарем партбюро юридического факультета ТашГУ; неоднократно избирался делегатом районных партконференций. Г. П. Саркисянец — член Общества «Знание» Узбекской ССР, руководитель методологического семинара системы партпросвещения юридического факультета ТашГУ и т. д.

Г. П. Саркисянец награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, почетным знаком МВССО СССР «За отличные успехи в работе» и др.

Поздравляя Георгия Павловича Саркисянца с юбилеем, научная общественность желает ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

ХРОНИКА

ГОДИЧНЫЕ СОБРАНИЯ В АКАДЕМИИ НАУК УзССР

9 января 1986 г. состоялось общее годовое собрание Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР. С вступительным словом выступил вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупов. Об основных итогах выполнения планов НИР и социалистических обязательств за 1985 г. и о проекте проблемно-тематического плана и социалистических обязательствах на 1986 г. доложила академик-секретарь Отделения, акад. АН УзССР Г. А. Пугаченкова. В обсуждении доклада и прениях выступили академики АН УзССР Ш. Ш. Шаабдурахманов, К. Е. Житов, члены-корреспонденты АН УзССР И. А. Султанов, М. М. Хайруллаев, А. А. Аскарлов, М. А. Ахунова, доктор филол. наук А. П. Каюмов.

В частности, было отмечено, что институты и организации Отделения разрабатывали в 1985 г. 57 тем по 8 направлениям, одно задание Государственного комитета по науке и технике СССР и одно задание директивных органов. Из 57 тем выполнено 54, одна тема — переходящая на 1986 г.; не выполнено 2 темы.

В целом все разрабатываемые темы предусматривали изучение закономерностей и особенностей общественного развития Узбекистана с древнейших времен до наших дней. Главное внимание уделялось обобщению исторического опыта и практики социалистического и коммунистического строительства в Узбекистане.

Результативными были археологические изыскания, которые проводились в тесном комплексе с антропологическими, что позволило осветить многие вопросы этногенеза народов Узбекистана.

Большое внимание уделялось исследованию первобытнообщинного и рабовладельческого строя, изучению генезиса и развития феодализма, истории орошения и освоения территории Узбекистана.

Немаловажное место в планах научно-исследовательских работ занимали история и современное политико-экономическое положение сопредельных со Средней Азией стран зарубежного Востока, их внешняя политика и взаимоотношения с Советским Союзом.

Изучаются и публикуются письменные памятники богатейшего культурного наследия народов Востока. Примечательно, что фонд рукописей АН УзССР является одним из крупнейших в стране и хронологически охватывает более чем тысячелетний период.

Широким фронтом шло изучение закономерностей развития узбекского языка, его диалектов и говоров. Продолжалось исследование узбекской литературы, устного народного творчества, русской литературы и русского языка в Узбекистане. Осуществлялась подготовка к печати научно-критических текстов произведений классиков узбекской литературы, лучших образцов узбекского фольклора. Изучались взаимосвязи и взаимовлияние языков, литератур и культур народов СССР. Завершена работа над двухтомным и узбекско-русским словарем (50 тыс. слов).

В 1985 г. учеными Отделения опубликовано 46 сборников и монографий общим объемом 709 п. л. Среди населения прочитано 1700 лекций, проведено 1200 экскурсий. Состоялось 48 выступлений ученых по телевидению и 148 — по радио.

Научно-методическая помощь в 1985 г. оказывалась 12 вузам республики. Совместные исследования ведутся с учеными 8 стран: Венгрии, ГДР, Монголии, Индии, Афганистана, Франции, Египта и Японии.

По итогам выполнения социалистических обязательств победителем признан Институт востоковедения, занявший к тому же второе место по выполнению социалистических обязательств в системе АН СССР.

В 1985 г. Государственной премии Узбекской ССР им. Беруни удостоен ряд сотрудников Института археологии (за разработку проблемы урбанизации Средней Азии) и Института языка и литературы им. А. С. Пушкина (за издание академического собрания сочинений М. Т. Айбека).

Участники собрания приняли социалистические обязательства на 1986 г.

*
*
*

13 января 1986 г. состоялось общее годовое собрание Отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР. На повестке дня стояли вопросы: 1) Итоги научно-исследовательской деятельности ОФЭЮН и его научных подразделений за XI пятилетку и 1985 г. и проблемно-тематические планы на 1986 г.; 2) Итоги выполнения социалистических обязательств за 1985 г. и принятие социалистических обязательств на 1986 г.; 3) Прения и принятие решений.

Вступительным словом собрание открыл вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупов. Об итогах научно-исследовательской деятельности Отделения за XI пятилетку и 1985 г. и проблемно-тематических планах на 1986 г. доложил академик-секретарь Отделения, акад. АН УзССР И. И. Искандеров.

В прениях выступили: вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР К. И. Лапкин, акад. АН УзССР С. К. Зиядуллаев, чл.-кор. ВАСХНИЛ С. Н. Усманов, члены-корреспонденты АН УзССР А. И. Ишанов, Ш. З. Уразаев, К. Н. Бедрицев, А. А. Аг-

замходжаев, доктора филос. наук К. Х. Ханазаров, Х. П. Пулатов, доктор экон. наук К. М. Якубов, канд. филос. наук К. Н. Ирисбаев.

В частности, отмечено, что в составе Отделения функционируют три научных учреждения и кафедра философии, где занято 465 сотрудников, в том числе 30 докторов, 152 кандидата наук, 4 академика и 10 членов-корреспондентов АН УзССР.

В XI пятилетке научно-исследовательские учреждения Отделения разрабатывали 8 проблем, включавших 30 тем, 8 заданий и 10 научных разработок. Из них, в соответствии с планом НИР, завершены 18 тем и 2 задания. Институты Отделения впервые участвовали и досрочно завершили исследования в рамках трех всесоюзных и двух (из 19) республиканских целевых комплексных проблем.

Обобщающие показатели деятельности Отделения и его научных учреждений, выражающие ее конечный народнохозяйственный результат, заключаются в реализации научных достижений в практике управления, решении крупных проблем, связанных с повышением экономического и научно-технического потенциала республики, формированием научного, марксистско-ленинского мировоззрения, совершенствованием социалистического образа жизни и обобщением опыта социально-экономических преобразований в Узбекистане.

За пятилетку учеными Отделения опубликовано 77 монографий. Результаты исследований направлены в союзные и республиканские директивные, плановые, хозяйственные органы и используются на 249 народнохозяйственных объектах. В целом по Отделению защищено 11 докторских диссертаций. Ныне в научных учреждениях Отделения насчитывается 160 аспирантов.

Только в 1985 г. ученые Отделения приняли участие более чем в 60 научных форумах международного, общесоюзного, регионального и республиканского масштаба.

За пятилетие ученые Отделения выступили перед трудящимися республики с более чем 9 тыс. лекций и докладов, а также провели 60 выступлений по радио и 40 — по телевидению.

Вместе с тем в работе научных учреждений Отделения наблюдались существенные противоречия между потребностями ускорения социально-экономического развития республики и структурой основных направлений исследований. Серьезные недостатки имелись в планировании и организации исследований, внедрении их результатов в народное хозяйство. Не все ученые Отделения активно участвуют в пропаганде научных знаний. В пятилетнем плане исследований лишь одна работа планировалась к внедрению непосредственно в производство. Систематически не выполнялись планы подготовки высококвалифицированных научных кадров. Узким местом в деятельности научных подразделений остаются вопросы повышения уровня подготовки научных кадров через аспирантуру. В учреждениях Отделения за годы XI пятилетки окончили обучение 156 аспирантов, но лишь 10 из них защитились в срок. Требуют особого внимания вопросы контроля и исполнения принимаемых решений.

Сообщение об итогах выполнения социалистических обязательств за 1985 г. и социалистических обязательствах научно-исследовательских учреждений Отделения на 1986 г. сделал зам. академика-секретаря Отделения, чл.-кор. АН УзССР А. Х. Хикматов.

По обсужденным вопросам приняты соответствующие постановления и утверждены социалистические обязательства на 1986 г.

* * *

23 января 1986 г. состоялось годичное общее собрание Академии наук Узбекской ССР.

Участники собрания единодушно одобрили Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, в котором подчеркнута также роль науки в осуществлении мирных устремлений, развитии хозяйственного и культурного строительства, сотрудничества народов.

В центре внимания ученых были задачи, поставленные перед советской наукой решениями апрельского и октябрьского (1985 г.) Пленумов ЦК КПСС, программными документами партии, проекты которых вынесены на всенародное обсуждение.

Во вступительном слове Президента АН УзССР, чл.-кор. АН СССР П. К. Хабибуллаева, в докладе главного ученого секретаря Президиума АН УзССР, акад. АН УзССР Д. А. Мусаева об итогах деятельности за 1985 г. и плане научно-исследовательских работ на нынешний год, докладе вице-президента АН УзССР, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупова о выполнении научными коллективами социалистических обязательств, а также в выступлениях участников собрания был дан анализ результатов, с которыми научные учреждения республики подошли к XXVII съезду КПСС и XXI съезду Компартии Узбекистана.

Отмечалось, в частности, что научные учреждения Академии наук ведут исследования по 47 направлениям фундаментальных и прикладных наук. Основные усилия ученых сосредоточены на решении наиболее актуальных для народного хозяйства проблем. За истекшие пять лет в различные отрасли экономики внедрено свыше тысячи научных разработок, экономический эффект от их использования превысил 3 млрд. руб.

Каждый рубль, затраченный на исследования, возвращается в народное хозяйство в среднем более чем с пятикратной отдачей.

Однако имеется еще много нерешенных проблем и недочетов. Главные из них, говорилось в выступлениях, заключаются в том, что Академия пока не стала подлинным направляющим и координирующим центром научной мысли в республике. Качество исследований в ряде институтов еще ниже среднего уровня, достигнутого в стране, медленно идет переход к интенсивным методам организации науки.

Немало недостатков имеется в развитии отраслей, которые определяют сегодня содержание научно-технического прогресса. В Узбекистане, например, издавна сложилась известная не только в нашей стране, но и за ее пределами научная математическая школа. Однако сейчас, когда особенно нужно расширение сферы развития математики, кибернетики, механики, физики, астрономии и др., у нас нет новых значительных математических трудов прикладного характера. Недостаточно высокий уровень исследований по гелиотехнике не дает возможности ввести в оборот дополнительные энергоресурсы. Не развинуты фундаментальные исследования и по созданию новых источников энергии, эффективных приборов и автоматизированных систем энергопользования и энергосбережения. Пока еще нет серьезных теоретических и прикладных разработок в области порошковой металлургии и плазменного напыления и многих других направлений, тесно связанных с интенсификацией экономики, ускорением научно-технического прогресса.

Много внимания на собрании было уделено разработке актуальных проблем совершенствования агропромышленного комплекса, интенсификации сельскохозяйственного производства, прежде всего хлопководства. Особо отмечалась необходимость создания систем машин, обеспечивающих комплексную механизацию, в первую очередь уборки урожая хлопка.

Немало недостатков имеется и в развитии других отраслей науки. Решительное устранение их — прямой долг ученых республиканской Академии наук. На это в значительной мере и нацелены принятые участниками собрания план и обязательства на 1986 г. В них предусмотрено в качестве главных задач повышение эффективности науки, дальнейшее укрепление ее связи с практикой, решение конкретных вопросов интенсификации производства, ускорения научно-технического прогресса, задач социально-экономического развития республики в целом.

В работе собрания принял участие заместитель Председателя Совета Министров УзССР Г. З. Захритдинов.

Б. И. Кнопов, Э. Д. Панасенко, А. Х. Саидов

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЮНЕСКО «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА»

Центральноазиатский регион, как он определен исследовательским проектом ЮНЕСКО, включает Восточный Иран, Афганистан, Пакистан, Северную Индию, западные районы КНР, Монголию и часть СССР (республики Средней Азии, Казахстан, Тувинскую и Бурятскую АССР). Эпоха средневековья (VII—XVII вв.) в государствах Центральной Азии — один из важных этапов развития экономики и торговли, роста урбанизации, больших достижений в области архитектуры и искусства, науки и литературы, ставших ценным вкладом в мировую цивилизацию. Происходившие тогда масштабные миграционные процессы сочетались с тесными культурными и экономическими связями в рамках крупных государственных образований.

Уровень изученности столь сложных явлений, как общее и особенное в экономике и культурно-исторических процессах, развитие и взаимовлияние языка и литературы, архитектуры и искусства, а также проблемы сохранения памятников древней культуры стали темой научной конференции ЮНЕСКО в рамках программы подготовки и публикации международным коллективом 6-томной истории цивилизации Центральной Азии.

Основными организаторами этой конференции, проходившей 16—21 сентября 1985 г. в Алма-Ате, выступили Советский комитет по изучению Центральной Азии, АН СССР, Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР. В ней приняли участие, наряду с советскими учеными, видные специалисты из Венгрии, МНР, Пакистана, Ирана, Индии, Турции, США. Советская делегация была представлена учеными из Москвы, Ленинграда, Ташкента, Самарканда, Алма-Аты, Душанбе, Фрунзе, Новосибирска, Кызыла, Улан-Уде.

Конференцию открыл Президент АН КазССР А. М. Кунаев. С приветствием к делегатам обратились заместитель Председателя Совета Министров КазССР М. М. Ахметова, представитель Генерального директора ЮНЕСКО Н. Каси, представители делегаций иностранных ученых — Ш. Бира (МНР), К. Цегледи (ВНР), А. Сайили (Турция), У. Сиддики (Индия), Д. Синор (США).

Участникам форума предстояло обсудить обширный круг проблем — от дискуссионных вопросов определения географических границ исследования до сложных аспектов генезиса и этапов феодализма, уровней экономической базы оседлоземель-

ческих регионов и кочевых образований, политической истории, социальных и этнокультурных процессов, торгово-экономических связей, этапов развития городов и систем институтов городской жизни, развития языков, архитектуры и различных видов искусств. Большие задачи стоят и в области сохранения, реставрации и консервации памятников средневековой культуры. Работа конференции проходила по двум секциям: 1. История и история идей; 2. Культура и искусство.

На первой секции обсуждались общие проблемы истории, социальные и этнические процессы, история развития науки и общественной мысли, а также история религии. Было заслушано 25 докладов и сообщений, объединяемых несколькими важными направлениями. Анализ точек зрения географов и историков о понятии «Центральная Азия» и обоснование границ исследуемого региона были проделаны Л. И. Мирошниковым (СССР). Группа докладов была посвящена характеристике разнородных типов источников для разработки процессов средневековой политической, социальной и культурной истории отдельных областей и этапам их анализа.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) проанализировал новые рунические данные к истории Тюркского каганата. По историографии взаимосвязей стран Центральной Азии выступил Ш. Бира (Монголия). Н. И. Кузнецова (Москва) рассказала о советских исследованиях позднесредневековой истории Ирана. Об интересных уйгурских надписях Монголии, интерпретирование которых позволяет установить связь событий в Центральной Азии с формированием токуз-огузов, говорил К. Цегледи (ВНР).

Генетическая база феодальной эпохи была рассмотрена Н. Н. Негматовым (Душанбе), а отдельные этапы политической и социальной истории ее раскрыты в докладах А. К. Караева (Фрунзе), который подвел итоги изучения истории Караханидов, и К. А. Пищулиной (Алма-Ата), осветившей вопрос о государственности казахов периода позднего средневековья. Анализу роли источников в разработке проблем истории народов Центральной Азии и их культурных взаимосвязей были посвящены доклады Б. Е. Кумекова (Алма-Ата), осветившего роль труда Ибн Халдуна в изучении этнической истории кипчаков, Т. М. Бейсенбиева, охарактеризовавшего эпоху Великих Моголов (Бабуридов) по кокандским источникам, М. К. Абусентовой (Алма-Ата), проанализировавшей связи Казахстана с соседними регионами по тюркским и персидским текстам. Новые данные по истории Кермана и его связей со Средней Азией на базе письменных источников были приведены в докладе иранского ученого Мохаммеда Ибрахима Бастаны Паризи, а Реза Шабани Самгхабади (Иран) обобщил материалы источников по взаимовлиянию культур, подчеркнув некоторые фундаментальные черты цивилизации Центральной Азии как части азиатской цивилизации в целом. Ц. А. Дугар-Нимаев (Тува) сообщил о сборе письменных данных по истории Центральной Азии в Бурятской АССР.

Серия докладов была связана с историей науки, мировоззрения народов. Исследование глав персидской энциклопедии «Ал-Ахада ик ал-арисматики» о истории чисел было проделано С. Брентъес (ГДР). Истории средневековой медицины были посвящены доклады А. Сайили (Турция) и коллективная работа Э. Г. Базарона, В. Э. Назарова-Рыгдылона, С. М. Николаева и Б. Д. Бадараева (Улан-Уде) о тибетской медицине. Теологии и философской системе средневековой Средней Азии посвятил свой доклад А. Т. Турсунов (Душанбе).

Образы жизненного цикла народов Бурятии были раскрыты в выступлении К. М. Герасимовой (Улан-Уде). В докладе М. Я. Сушанло (Фрунзе) охарактеризованы верования хуэй (дунган). О. И. Исмагулов (Алма-Ата) осветил с использованием данных антропологии этнографические связи населения Казахстана VIII—XVII вв.

Программа второй секции посвящалась разработке культурного развития народов региона. Здесь рассматривались вопросы литературы и искусства, архитектуры, методики изучения и сохранения памятников культуры. Всего было заслушано 27 докладов.

Художественной культуре отдельных регионов Центральной Азии были посвящены доклады М. Ашрафи, охарактеризовавшей миниатюру Средней Азии, А. А. Иванова, проанализировавшего изделия торевтов Мавераннахра, М. В. Горелика, изучавшего древнетюркское вооружение. Новые материалы по истории материальной и художественной культуры региона представили К. А. Акишев (Алма-Ата), сообщивший о позднесредневековых каменных крепостях Казахстана, Э. А. Новгородова (Москва), доложившая о средневековой каменной скульптуре некоторых районов Средней Азии, У. Х. Шалекенов (Алма-Ата), подытоживший исследования последних лет на городище Актюба.

Широкие аспекты культурно-исторических контактов, прослеживаемых на памятниках архитектуры, декоративно-прикладного искусства регионов Центральной Азии, были рассмотрены в докладах А. Х. Дани (Пакистан) — о связях Тхатты с центральноазиатской архитектурой, В. А. Ткачева (Москва) — о столицах кочевников Центральной Азии, У. Сиддики (Индия) — о взаимосвязях архитектуры Индии и Средней Азии, Р. С. Мукимова — о периодизации архитектурного наследия Мавераннахра.

Общие проблемы городской культуры средневековой Средней Азии были рассмотрены А. К. Мирбабаевым (Душанбе).

Центральноазиатские параллели декоративно-прикладного искусства кочевников средневековой Киргизии по материалам тюрко-монгольских украшений были пред-

ставлены А. К. Абетековым (Фрунзе). Отражению в искусстве и архитектуре космологических аспектов мировоззрения народов Центральной Азии посвятили свои выступления Д. Б. Пюрвеев (Москва) и Б. Т. Туякбаева (Алма-Ата). О сборе и изучении материалов и текстов по этим проблемам говорилось в докладах Б. Брентгеса (ГДР) — о работах Д. Г. Мессершмидта в Сибири, М. Таубе (ГДР) — об изучении документов Турфанской коллекции в Берлине, О. Ф. Акимушкина (Ленинград) — о результатах работ в библиотеке Байсункара мирзы. Тибетские рукописи и ксилографы из экспедиции в Западном Непале (Джумла), хранящиеся в собрании национального архива г. Катманду, представила Н. Д. Болсохоева (Улан-Уде).

Отдельные вопросы истории культуры были подняты К. Айна (Душанбе) в докладе «Хаджу» и проблема изучения персидско-достанной лирики XIV в., И. И. Сохтоевой, осветившей декоративные особенности монголо-бурятского быта и костюма XII—XVII вв., В. Н. Настича (Алма-Ата), проанализировавшего историю календаря в средневековом Семиречье. Некоторые аспекты тибетской историко-философской литературы были рассмотрены Р. Е. Пубаевым (Улан-Уде).

О проблемах многоязычия Центральной Азии и пользования переводами текстов сообщил Д. Синор (США). Культура киргизов XVI—XVIII вв. сквозь призму материалов народного эпоса была рассмотрена К. Айдаркуловым (Фрунзе).

Большой интерес вызвали вопросы охраны и реставрации памятников культуры региона. Б. Я. Ставиский (Москва) рассказал об истории организации охраны и реставрации памятников архитектуры и искусства в советских республиках Средней Азии и Казахстане. Л. А. Лелеков (Москва) посвятил свое выступление проблемам этики и эстетики реставратора памятников прошлых культур. Л. П. Новикова и Н. П. Марков (Душанбе) остановились на методике изучения состава и свойств средневековой скульптуры.

Делегация Узбекистана была представлена 8 специалистами из 6 научных институтов, выступившими в обеих секциях.

На обширном фактическом материале Г. А. Пугаченкова охарактеризовала архитектурно-художественные традиции Центральноазиатского региона X—XVII вв. с выделением школ среднеазиатской средневековой архитектуры, подчеркнув их общие черты, локальные особенности и вклад в художественную культуру Востока. Тщательный анализ письменных источников XV—XVIII вв. позволил Р. Г. Мукминовой осветить характер торгово-экономических связей оседлого и кочевого населения Мавераннахра, с одной стороны, влиявших на расслоение этих групп, с другой, — способствовавших росту их культурно-этнических связей.

Богатство источников изучаемой эпохи, хранящихся в фондах ИВ АН УзССР, проблемы их систематизации и изучения, ценность для освещения культуры всех народов Центральной Азии опубликованных с научными комментариями трудов Ибн Сины, Беруни были раскрыты в совместном докладе М. М. Хайруллаева и А. У. Урунбаева.

Общие закономерности и локальные особенности формирования городской культуры Мавераннахра VII—XIII вв., причины, влиявшие на различие путей развития отдельных регионов в рамках центральноазиатского массива, послужили темой доклада Ю. Ф. Бурякова.

Необходимость сохранения массовых памятников древней культуры и методика консервации их с применением мономеров были изложены в докладе А. А. Абдуразакова.

Проблемам палеографического исследования согдийских и староуйгурских текстов и их месту в изучении истории культуры народов Средней Азии посвящались доклады М. Исхакова и К. Садыкова.

Выступившие по докладом А. Х. Дани (Пакистан), Л. А. Лелеков, Б. Я. Ставиский (Москва), Н. Н. Негматов (АН ТаджССР) отметили важность выявления специфики урбанизации региона, особенно контактных зон, ценность публикации источников из всех фондов и сохранения памятников древней культуры, высказались за большую координацию в публикации и научном анализе источников.

Б. Я. Ставиский, К. А. Акишев, Б. В. Веймарн подчеркнули важность конкретного исследования этапов развития культуры, в частности архитектуры, с локальными особенностями школ, необходимость широкой консервации объектов, созданных из разных строительных материалов.

В рамках конференции было проведено заседание «круглого стола», посвященное 150-летию со дня рождения выдающегося казахского ученого-мыслителя, просветителя-демократа Ч. Валиханова.

Материалы конференции, как было подчеркнуто в обобщающем докладе Д. Синора (США), сыграют огромную роль в подготовке четвертого и пятого томов «Истории цивилизации Центральной Азии», создаваемой большим международным коллективом ученых, что явится их конкретным вкладом в развитие международных научных связей, укрепление мира и взаимопонимания единства мирового культурно-исторического процесса.

Ю. Ф. Буряков

НОВЫЕ КНИГИ

Н. М. АЛЕЩЕНКО. ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

(М.: Просвещение, 1985, 160 с.)

Круг работ, посвященных истории Великой Отечественной войны, пополнился в 1985 г., в год 40-летия Великой Победы, многими новыми публикациями. В их числе и книга доктора ист. наук Н. М. Алещенко.

На основе анализа и обобщения множества архивных документов, материалов периодической печати, обширной литературы, мемуаров и воспоминаний участников войны, активных тружеников тыла книга охватывает широкий комплекс вопросов по истории Великой Отечественной войны, беспримерного ратного и трудового подвига, свершенного в эти грозные годы всеми народами нашей страны, в том числе Узбекистана.

Убедительно показан патриотический подвиг тружеников тыла в начальный период войны. Большое внимание уделено организации народных формирований, особенно в прифронтовых районах. Много места отведено также подготовке боевых резервов для Красной Армии, причем приводятся интересные данные и по Узбекистану.

В книге воссоздана яркая картина героизма тружеников тыла при сооружении крупных оборонительных линий; показаны такие формы проявления патриотизма широких масс, как создание всенародного Фонда обороны, сбор средств на формирование танковых колонн, боевых эскадрилий, шефство трудящихся над частями Действующей Армии, их забота о раненых воинах, самоотверженный труд во имя Победы. И здесь приводятся конкретные факты по Узбекистану.

Автор уделяет большое внимание трудовым подвигам советских женщин, а также молодежи, в том числе школьников.

В книге нашли отражение и огромные трудности, вставшие перед труженниками тыла в годы войны, и пути их преодоления. Умело показаны организующая и направляющая роль Коммунистической партии, деятельность местных органов Советской власти, общественных организаций трудящихся. Особо подчеркнута роль братской дружбы народов СССР как одного из главных факторов, обеспечивших нашу Победу.

Г. Рашидов

М. ХАЙРУЛЛАЕВ. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

(Ташкент: Узбекистан, 1985. 247 с.)

Работа М. М. Хайруллаева посвящена исследованию одной из малоизвестных страниц культурного наследия и социально-философских воззрений мыслителей прошлого народов Средней Азии. Подробно описаны уникальные рукописи их произведений, состояние изученности этих культурных ценностей как незаменимых источников по истории развития науки и культуры народов Средней Азии.

Опираясь на результаты научных исследований, проведенных учеными-обществоведами нашей страны и культурологами зарубежных стран, и излагая свою собственную точку зрения по многим затрагиваемым вопросам, М. М. Хайруллаев анализирует ранее не исследованные труды мыслителей прошлого народов Средней Азии, стремится показать место и роль их естественно-научных и социально-философских воззрений в развитии мировой науки и культуры.

Рассматривая проблемы Восточного Ренессанса, культуры и философии Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока IX—XV вв., автор характеризует развитие естествознания, светской культуры и отраслей духовного богатства прошлого, раскрывает их большую роль в формировании общественного сознания.

В работе дан подробный анализ естественно-научных, гуманистических, общественно-философских воззрений таких крупнейших деятелей науки и философии Востока XI—XII вв., как Хорезми, Фараби, Ибн Сина, Беруни. Универсальные знания и огромная научная эрудиция позволили им создать первую, наиболее полную в эпоху средневековья классификацию наук, считавшуюся энциклопедией научных знаний того времени.

В круг исследуемых автором вопросов входит и развитие просветительской и демократической мысли в Средней Азии конца XIX — начала XX в., которые во многом способствовали распространению марксистско-ленинского учения среди трудового народа. Автор показывает, что просветительские течения в Туркестане конца XIX — начала XX в. (представителями которых были Ахмад Дониш, Фуркат, Муқим, Хамза и др.) формировались под влиянием русской демократической мысли, пробуждая и развивая у угнетенных масс ненависть к эксплуататорам.

На основе сбора, систематизации и научного анализа фактического материала автор прослеживает процесс формирования марксистских кружков, распространения

большевистской печати, первых публикаций на национальных языках трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также появления в советское время исследовательских работ обществоведов местных национальностей по актуальным вопросам марксистско-ленинской философии и ее связи с практикой социалистического строительства в Узбекистане.

В послевоенные годы творческие усилия философов Узбекистана были направлены не только на освещение и пропаганду общих вопросов диалектического и исторического материализма, но и на исследование общественно-философской мысли народов Средней Азии, раскрытие характерных особенностей диалектики развития ранее отсталых стран по некапиталистическому пути, расцвета социалистической культуры народов Узбекистана, повышения культурно-технического уровня сельских труженников и т. п.

Таким образом, работа М. М. Хайруллаева представляет собой комплексное, внутренне цельное исследование сложной, многогранной проблемы, имеющей актуальное научное и практическое значение.

Х. Каримов

МУНДАРИЖА

«Ўзбекистонда ижтимоий фанлар» журнали 25 ёшда	3
О. А. Тошпўлатов. Тинчлик учун кураш Ўзбекистон ишчилар синфининг интернационал бурчидир	6
А. Е. Безверхов. Социализмда якка ишчи кучини миқдорий қайта баҳолаш методикасига доир	10
Д. Дадажонова. Халқ истеъмол моллари сифатини оширишда «комсомол прожектори»нинг роли	18
В. Г. Черник. Илмий революциялари ва фанлар тараққиёти	22
Ш. К. Сатпаева. Ч. Ч. Валихоновнинг илмий мероси ва унинг қозоқ халқи маданиятида тутган ўрни	29

Илмий ахборот

А. Аюпов. СССРнинг Афғонистон Демократик Республикаси билан илмий алоқаларида ЎзССР ва Тожикистон ССРнинг ўрни	37
А. В. Ефимов. Улуғ Ватан урушининг дастлабки йилларида Ўзбекистон ёзувчиларининг ҳарбий-ватанпарварлик фаолиятлари	40

Тарихшунослик

М. Нагимов. Совет жиноят процессида жабрланувчини сўроқ қилишда руҳий муаммоларни ишлаб чиқиш тарихига доир	42
---	----

Манбашунослик

А. Шайхова. XIX—XX аср бошларида Хива хонлигида вақф ерларини арендага олиш ҳақидаги ҳужжатлар	48
--	----

Юбиляrlаримиз

А. П. Қаюмов туғилган куннинг 60 йиллигига	51
Г. П. Саркисянц туғилган куннинг 60 йиллигига	53

Хроника

Б. И. Кнопов, Э. Д. Панасенко, А. Х. Саидов. Ўзбекистонда ССР Фанлар академиясининг йиллик мажлислари	54
Ю. Ф. Буряков. ЮНЕСКОнинг ўрта асрларда «Марказий Осиёдаги маданий-тарихий жараёнлар»га бағишланган халқаро конференцияси	56

Янги китоблар

Ғ. Рашидов. Н. М. Алешченко. Ғалаба учун	59
Ҳ. Каримов. М. Хайруллаев. Маданий мерос ва фалсафий тафаккур тарихи	59

СОДЕРЖАНИЕ

Журналу «Общественные науки в Узбекистане» — 25 лет	3
О. А. Ташпулатов. Борьба за мир — интернациональный долг рабочего класса Узбекистана	6
А. Е. Безверхов. К методике количественной оценки воспроизводства индивидуальной рабочей силы при социализме	10
Д. Дададжанова. Роль «комсомольского прожектора» в повышении качества товаров народного потребления	18
В. Г. Черник. Научные революции и развитие науки	22
Ш. К. Сатпаева. Научное наследие Ч. Ч. Валиханова и его место в истории культуры казахского народа	29

Научные сообщения

А. Аюпов. Участие УзССР и ТаджССР в научном сотрудничестве СССР с Демократической Республикой Афганистан	37
А. В. Ефимов. Военно-патриотическая деятельность писателей Узбекистана в начальный период Великой Отечественной войны	40

Историография

М. Нагимов. К истории разработки проблемы психологии допроса потерпевших в советском уголовном процессе	42
---	----

Источниковедение

А. Шахнова. Документы об аренде вакуфных земель в Хивинском ханстве XIX — начала XX века	48
--	----

Наши юбиляры

К 60-летию А. П. Каюмова	51
К 60-летию Г. П. Саркисянца	53

Хроника

Б. И. Кнопов, Э. Д. Панасенко, А. Х. Саидов. Годичные собрания в Академии наук УзССР	54
Ю. Ф. Буряков. Международная конференция ЮНЕСКО «Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в средние века»	56

Новые книги

Г. Рашидов. <i>Н. М. Алещенко</i> . Во имя Победы	59
Х. Каримов. <i>М. Хайруллаев</i> . Культурное наследие и история философской мысли	59

НАШИ АВТОРЫ

- Сатпаева Ш. К.** — член-корреспондент АН КазССР, ст. научный сотрудник Института литературы и искусства им. М. Ауэзова АН КазССР.
- Ефимов А. В.** — кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры научного коммунизма Горьковского пединститута им. А. А. Жданова.
- Черник В. Г.** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии философско-экономического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Аюпов А.** — ст. преподаватель Сырдарьинского ГПИ им. Г. Гуляма.
- Безверхов А. Е.** — аспирант Института экономики АН УзССР.
- Дададжанова Д.** — аспирант АОН при ЦК КПСС.
- Нагимов М.** — аспирант юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Ташпулатов О. А.** — аспирант Института истории АН УзССР.
- Шайхова А.** — мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*

Сдано в набор 5.02.86. Подписано к печати 21.02.86. P00110. Формат 70×108^{1/8}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. псч. л. 5,60. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 1131. Заказ 33. Цена 65 к.

Адрес Издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

ПАМЯТКА АВТОРУ

При подготовке рукописей просим придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала, на одной стороне листа стандартного размера.

2. Размеры полей машинописных страниц: снизу и слева — 2,5 см, справа — 1 см, сверху — 2 см.

3. Графика машинописных знаков (русского и иностранного) должна быть отчетливой, ровной и полной.

4. Иллюстрации следует давать в двух экземплярах, в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные, на глянцевой бумаге, рисунки — выполненные тушью). На оборотной стороне каждого рисунка должны быть указаны фамилия автора, название работы и номер рисунка. Номера рисунков, как и таблиц, следует выносить на поля рукописи (при первом упоминании).

5. Сноски печатаются через два интервала и помещаются внизу страницы. Нумерация сносок должна быть сквозной.

6. Последовательность цитирования монографий: автор, название работы, место издания, год издания, страница.

Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи, название журнала, год, номер, страница.

7. Оформление сносок. Инициалы авторов (в том числе классиков марксизма-ленинизма) ставятся после фамилии (как в библиографии), перед местом издания — точка; страницу обозначить буквой «С»; название работ без автора в кавычки не заключать.

Многотомные издания, помимо названия, места, года издания, страницы, должны обязательно включать количество томов, номер тома, на который идет ссылка и его название.

Названия журналов и продолжающихся изданий (ежегодники, труды, записки и пр.) не заключать в кавычки; место издания не указывать (исключение составляют некоторые старые издания).

8. К статье прилагается резюме на рус. и узб. яз. (объем — до 10 строк).

9. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Точность цитирования произведений классиков марксизма-ленинизма должна быть заверена подписью автора. Следует указать дату отправления и полный почтовый адрес автора.

10. Объем не должен превышать:

а) для статей — 12 стр. машинописи,

б) для научных сообщений и рецензий — 6—7 стр.,

в) для хроникальных и других заметок — 2—3 стр.

Присланные статьи рецензируются и выносятся на рассмотрение редакционной коллегии журнала.

Цена 65 к.

Индекс
75349